

АКАДЕМИЯ ПОЭЗИИ

а л ь м а н а х

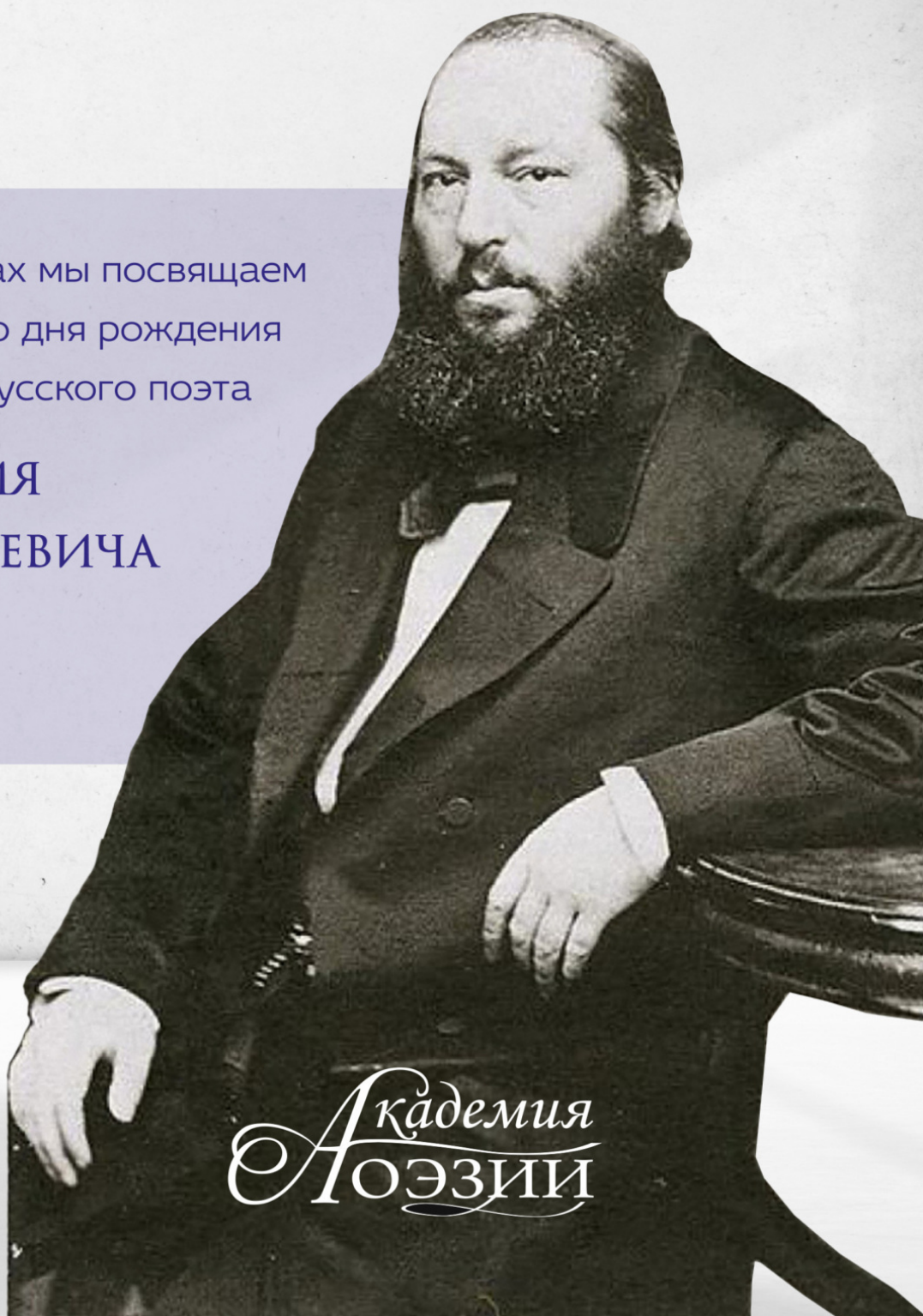
Этот альманах мы посвящаем
200-летию со дня рождения
известного русского поэта

АФАНАСИЯ
АФАНАСЬЕВИЧА
ФЕТА

[1820–1892]

№ 2 2020

Академия
Поэзии

Альманах

Академия поэзии.
Альманах №2 2020 г.

«У Никитских ворот»

2020

УДК 882-3
ББК 84(Рос=Рус)3

Альманах

Академия поэзии. Альманах №2 2020 г. / Альманах — «У
Никитских ворот», 2020

ISBN 978-5-00170-245-0

Основная задача альманаха «Академия поэзии» – наиболее ярко представить творчество современных русскоязычных поэтов. Каждый поэт – это целая вселенная, со своим внутренним миром, мыслями, эмоциями и открытиями, что и воплощается в его творениях, придаёт своеобразие языку и стилю произведений. Неслучайно авторы альманаха – поэты разных школ, стилей, направлений, национальностей, известные мастера и молодые поэты, и всех их объединяет любовь к поэтическому СЛОВУ.

УДК 882-3
ББК 84(Рос=Рус)3

ISBN 978-5-00170-245-0

© Альманах, 2020
© У Никитских ворот, 2020

Содержание

Фет Афанасий Афанасьевич	9
Виноват ли я, что долго месяц...	9
Италия	11
Курган	12
Зреет рожь над жаркой нивой...	13
Москва (из Кернера)	14
Две розы	15
В пору любви, мечты, свободы...	17
Заря прощается с землёю...	18
Учись у них – у дуба, у берёзы...	19
Тихонько движется мой конь...	20
Смерть	21
Уж верба вся пушистая...	22
Кукушка	23
Всплываю на простор сухого океана...	24
Вакханка	25
Горячий ключ	26
Горная идиллия	27
Где север – я знаю!..	29
Границы человечества	30
Грозные тени ночей...	32
Если вдруг, без видимых причин...	33
Завтра – я не различаю...	34
Когда от хмелю преступлений...	35
Когда мечты мои за гранью прошлых дней...	36
Когда кичливый ум, измученный борьбою...	37
Какая грусть! Конец аллеи...	38
Когда у райских врат изгнанник...	39
Комета	40
Легенда	41
Лихорадка	43
Людские так грубы слова...	44
Люди несколько ни в чём предо мной не виновны, я знаю...	45
Моего тот безумства желал, кто смежал...	46
Майская ночь	47
Кричат перепела, трещат коростели...	48
На корабле	49
Напрасно, дивная, смешавшись с толпою...	50
Не глумись над чёртом, смертный...	51
Не тем, господь, могуч, непостижим...	52
Не говори, мой друг: «она меня забудет...»	53
Не плачь, моя душа: ведь сердцу не легко...	54
Не упрекай, что я смущаюсь...	55
Нет, я не изменил. до старости глубокой...	56
Недвижные очи, безумные очи...	57
Alter ego	58

Я был опять в саду твоём...	59
Ракета	60
Фонтан	61
Окна в решётках, и сумрачны лица...	62
Превращения	63
Облаком волнистым...	64
Растут, растут причудливые тени...	65
У камина	66
С солнцем склоняясь за тёмную землю...	67
Одним толчком согнать ладью живую...	68
Эй, шутка-молодость! Как новый, ранний снег...	69
Сядь у моря – жди погоды...	70
Уж вечер надвинуться хочет...	71
Странная уверенность	72
Целый мир от красоты...	73
Поэтическая галактика	74
Мария Агеева	74
Тишина	75
Воздушный змей	76
Гитара	76
Сумерки	77
Ты помнишь	77
Александр Андронов	78
Долгожданная встреча	78
Маргарита	79
Путник в ночи	80
За околицей	81
Моя улица	81
Мы – русские	82
Антонина Белова	84
Из цикла «осенние краски»	85
Михаил Бердутин	90
Судьба поэта	91
На тетрадь со стихами Есенина	91
Любовь	92
Команданте Кастро	92
Юрий богданов	94
Святой равноапостольный великий князь Владимир	95
1	95
2	96
3	96
4	97
5	97
6	98
7	98
8	98
9	99
10	99
11	100

12	100
13	101
14	101
15	102
Игорь Бойко	103
Листопады россии	104
1. Лист жёлтый	104
2. Вечнозелёный	104
3. Красно-чёрный	104
4. Колесующий	104
5. Из почвы	104
6. Держащий строй	105
7. Возносящийся	105
Предчувствие. юность	105
«Как бабочки, порхали наши губы...»	106
«Развёрнутые половины сердечные...»	106
Дикарь	107
«Я приду к тебе спустя так долго...»	107
Излучина	108
«Взгляд отдёргивая, как... руку ли...»	108
Михаил Бондарев	110
Вырвусь на русский простор	111
Голос Евразии	111
Вода родной реки	112
Дождь и снег	112
Где ты, вторая половинка?	113
Живу как птица – днём одним	113
Король алмазный	114
Мальчик и звёзды	114
«Обую валенки. Надену телогрейку...»	115
Три сизаря	115
«Отрывая лист календаря...»	116
«Всё пройдёт – и пандемия...»	116
Юрий Бондаренко	117
Дебют	118
Кончилось бабье лето	118
Ищите веру!	119
Река	119
Русская драка	120
Бретонец	121
И мчится жизнь	121
Владимир Бояринов	122
Аленький цветок	122
Парнас	123
Григорий Мелехов	123
На волю просится душа	124
«Дрогнул враг и рассыпался по полю...»	124
На краю	125
«Посидели – покурили...»	125

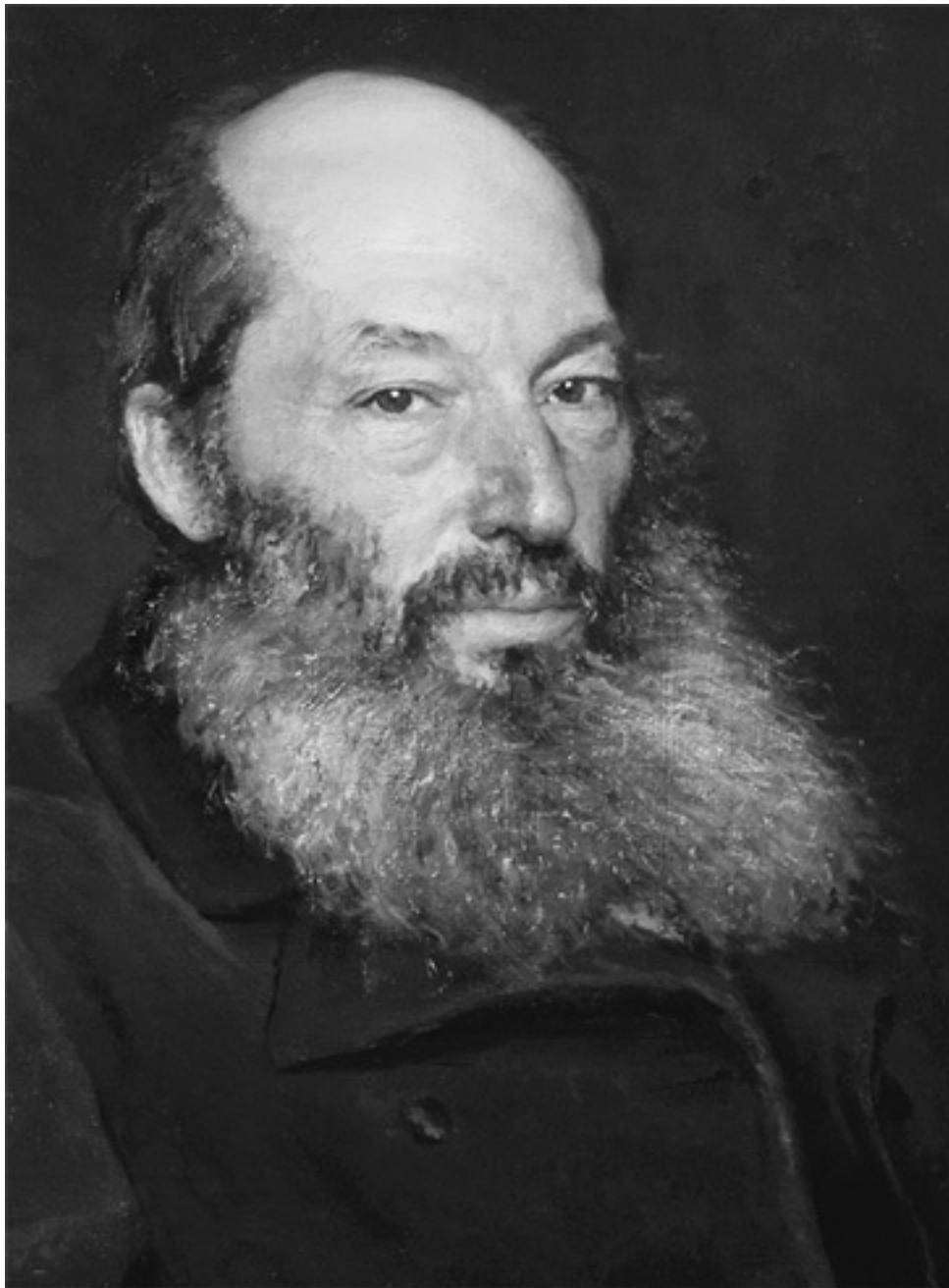
Потоп	126
Реликт	126
Страда	127
Солдатский сон	127
Соло	128
Сон в летнюю ночь	128
Срочные дела	129
Счастье	129
Улыбка	130
Аутодафе	131
Я позабыл	131
Галина Весновой	132
«Состою из впечатлений...»	133
«И ты уже вслед мне глядишь сквозь очки...»	133
«Мне хотелось прожить долгий век на земле...»	134
«Фельки мои – две лады...»	134
Александр Ветров	136
Из разговора	136
Молодым педагогам	137
Идиоту	137
«Ни я, ни ты, ни он – никто...»	137
Прителю	137
О желалущем приблизиться...	137
«Известно, что, какой пастух...»	138
О завистниках	138
«Решив достичь высокой цели...»	138
«Духовность, скрепы – что ж, неплохо...»	138
«Вести беседы по душам...»	138
«Грузить другого негативом...»	139
Алексей Волков	140
Поезд	140
Дорога на дачу	141
Летний дождь	141
Дача	141
Голос	142
Окна переделкино	142
Игорь Гавриленко	143
Сфинкс	144
Тюльпаны Ирана	144
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Академия поэзии. Альманах № 2 2020 г.

© Академия поэзии, 2020

© Коллектив авторов, 2020

Фет Афанасий Афанасьевич
[1820–1892]

Виноват ли я, что долго месяц...

Виноват ли я, что долго месяц
Простоял вчера над рощей тёмной,
Что под ним река дрожала долго
Там, где крылья пучил белый лебедь?
Ведь не я зажёлг огни рыбачьи

Над водой, у самых лодок чёрных.
Виноват ли я, что до рассвета
Перепёлок голос раздавался?
Но ты спишь... О, подними ресницы!
Знаешь ли, я помню, помню живо –
Ты сама ведь любишь ночи: ночью
Это было – я спешил в Риальто.
Быстро вёсла ударяли в воду,
Гондольер мой пел; но эта песня
Пронеслась, как многое проходит,
Невозвратно; помню только это:
«Обожали пламенные греки
Красоты богиню Афродиту
В пене волн на раковине ясной.
Как же глупы, просты эти греки:
Перед ними ты была в гондоле».
Знаешь ли, я сам, когда ты дремлешь,
Опусти недвижные ресницы,
И твоих волос густые кудри
Недвижимы, руки, выше локтя
Обнажась, на складках полотняных
Так лежат, как будто с мыслью тайной
Раскидал их... Фидий, –
И гляжу я долго и не знаю,
На твоём блестящем светом лице
Рождена ль улыбка красотой
Иль красу улыбка породила.
Знаешь ли... Но, опусти ресницы,
Ты уснула... Спи, моя богиня!»

1847 г.

Италия

Италия, ты сердцу солгала!
Как долго я в душе тебя лелеял, –
Но не такой душа тебя нашла,
И не родным мне воздух твой повеял.

В твоих степях любимый образ мой
Не мог, опять воскреснувши, не вырасть;
Сын севера, люблю я шум лесной
И зелени растительную сырость.

Твоих сынов паденье и позор
И нищету увидя, содрогаюсь;
Но иногда, суровый приговор
Забыв, опять с тобою примиряюсь.

В углах садов и старческих руин
Нередко жар я чувствую мгновенный
И слушаю – и кажется, один
Я слышу гимн Сивиллы вдохновенной.

В подобный миг чужие небеса
Неведомой мне в душу веют силой,
И я люблю, увядшая краса,
Твой долгий взор, надменный и унылый.

И ящериц, мелькающих кругом,
И негу их на нестерпимом зное,
И страстного кумира под плющом
Раскидистым увечье вековое.

1856–1858 гг.

Курган

Друг веков, поверенный преданий,
Ты один средь братии своей
Сохранил сокровищ и деяний
Вековую тайну от людей.

Что же дуб с кудрявой головою
Не возвращён твой подвиг отмечать
И не светит в сумрак над тобою
Огонёк – избрания печать?

Как на всех, орёл с неизмеримой
На тебя слетает высоты,
И срезает плуг неумолимый
Всех примет последние следы.

Что ж ты дремлешь? Силой чудотворной
Возрасти тёмно-кудрявый дуб!
Сокруши о камень непокорный
Злого плуга неотвязный зуб!

– Оттого-то, странник бесприметный,
На степи я вечно здесь молчу,
Что навек в груди мой клад заветный
Ото всех я затаить хочу.

1847 г.

Зреет рожь над жаркой нивой...

Зреет рожь над жаркой нивой,
И от нивы и до нивы
Гонит ветер прихотливый
Золотые переливы.

Робко месяц смотрит в очи,
Изумлён, что день не минул,
Но широко в область ночи
День объятия раскинул.

Над безбрежной жатвой хлеба
Меж заката и востока
Лишь на миг смежает небо
Огнедышащее око.

1857–1859 гг.

Москва (из Кернера)

Как высоки церквей златые главы,
Как царственно дворцы твои сияют!
Со всех сторон глаза мои встречают
И гордый блеск, и памятники славы.

Но час твой бил, о город величавый!
Твои граждане руку поднимают,
Трещит огонь, и факелы пылают,
И ты стоишь в горячей ризе лавы!

О, пусть тебя поносит исступленье:
Ломитесь, башни, рушьтеся, палаты!
То русский феникс, пламенем объятый,

Горит векам... Но близко искупленье;
Уже под клик и общие восторги
Копьё побед поднял святой Георгий.

1843 г.

Две розы

Вчера златокудрявый,
Румяный майский день
Принёс мне двух душистых
Любовниц соловья:
Одна одета ризой
Из снежных облаков,
Другая же – туникой
Авроры молодой.

Я долго колебался,
Какую розу взять.
Ах, белая так нежно
Зелёные листки
В венке моём пахучем,
Целуя, оттенил!

А ты, коралл душистый,
Прильнув к моей груди,
Горячее дыханье
Бальзамом напоишь;
И взоры огневые
Красотки молодой
Скорей падут на сердце,
Над коим дышишь ты!..
И с розы на другую
Бросал я жадный взор.

Заметив нерешимость,
Мне юный Май сказал:
Возьми сестёр обеих
И, счастливый вдвойне,
Укрась венок зелёный
И любящую грудь!
Я принял их и понял
Спасительный урок.
Давно на дне кристальном
Души моей живой
Любуется собою
Наины светлый взор,
И грудь полунагая,
И чёрная коса;

И тут же не нарочно
В тени златых кудрей
Красотка Зинаида

Предстанет предо мной.
И каждый раз, как кольца
Упругие пригнут
И золотом заблещет
Их радужный отлив,
Я слышу, как в ланитах
Моих зардеет кровь.
Вы розы – да, две розы! –
Обеим вам любовь!

1840 г.

В пору любви, мечты, свободы...

В пору любви, мечты, свободы,
В мерцании розового дня
Язык душевной непогоды
Был непонятен для меня.

Я забавлялся над словами,
Что будто по душе иной
Проходит злоба полосами,
Как тень от тучи громовой.

Настало время отрезвляться,
И долг велел – в немой борьбе
Навстречу людям улыбаться,
А горе подавлять в себе.

Я побеждал. В душе сокрыта,
Беда спала... Но знал ли я,
Как живуца, как ядовита
Эдема старая змея!

Находят дни, – с самим собою
Бороться сердцу тяжело,
И духа злобы над душою
Я слышу тяжкое крыло.

1855 г.

Заря прощается с землёю...

Заря прощается с землёю,
Ложится пар на дне долин,
Смотрю на лес, покрытый мглою,
И на огни его вершин.

Как незаметно потухают
Лучи и гаснут под конец!
С какою негой в них купают
Деревья пышный свой венец!

И всё таинственней, безмерней
Их тень растёт, растёт, как сон;
Как тонко по заре вечерней
Их легкий очерк вознесён!

Как будто, чуя жизнь двойную
И ей овеяны вдвойне, —
И землю чувствуют родную,
И в небо просятся оне.

1858 г.

Учись у них – у дуба, у берёзы...

Учись у них – у дуба, у берёзы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слёзы,
И треснула, сжимаяся, кора.

Всё злей метель и с каждой минутой
Сердито рвёт последние листы,
И за сердце хватает холод лютый;
Они стоят, молчат. Молчи и ты!

Но верь весне. Её промчится гений,
Опять теплом и жизнью дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

31 декабря 1883 г.

Тихонько движется мой конь...

Тихонько движется мой конь
По вешним заводям лугов,
И в этих заводях огонь
Весенних светит облаков.

И освежительный туман
Встаёт с оттаявших полей.
Заря, и счастье, и обман –
Как сладки вы душе моей!

Как нежно содрогнулась грудь
Над этой тенью золотой!
Как к этим призракам прильнуть
Хочу мгновенною душой!

1862 г.

Смерть

«Я жить хочу! – кричит он, дерзновенный. –
Пускай обман! О, дайте мне обман!»
И в мыслях нет, что это лёд мгновенный,
А там, под ним, – бездонный океан.

Бежать? Куда? Где правда, где ошибка?
Опора где, чтоб руки к ней простерть?
Что ни расцвет живой, что ни улыбка, –
Уже под ними торжествует смерть.

Слепцы напрасно ищут, где дорога,
Доверясь чувств слепым поводьям;
Но если жизнь – базар крикливый Бога,
То только смерть – его бессмертный храм.

1878 г.

Уж верба вся пушистая...

Уж верба вся пушистая
Раскинулась кругом;
Опять весна душистая
Повеяла крылом.

Станицей тучки носятся,
Тепло озарены,
И в душу снова просятся
Пленительные сны.

Везде разнообразною
Картиной занят взгляд,
Шумит толпою праздною
Народ, чему-то рад...

Какой-то тайной жаждою
Мечта распалена –
И над душою каждою
Проносится весна.

1844 г.

Кукушка

Пышные гнутся макушки,
Млея в весеннем соку;
Где-то вдали от опушки
Будто бы слышно: «Ку-ку».

Сердце! – вот утро – люби же
Всё, чем жило на веку;
Слышится ближе и ближе,
Как золотое, – «Ку-ку».

Или кто вспомнил утраты,
Вешнюю вспомнил тоску?
И раздаётся трикраты
Ясно и томно: «Ку-ку»

17 мая 1886 г.

Всплываю на простор сухого океана...

Всплываю на простор сухого океана,
И в зелени мой воз ныряет, как ладья,
Среди зелёных трав и меж цветов скользя,
Минуя острова кораллов из бурьяна.

Уж сумрак – ни тропы не видно, ни кургана;
Не озарит ли путь звезда, мне свет лия?
Вдали там облако, зарницу ль вижу я?
То светит Днестр: взошла лампада Аккермана.

Как тихо! – Постоим. – Я слышу, стадо мчится:
То журавли; зрачком их сокол не найдёт.
Я слышу, мотылёк на травке шевелится

И грудью скользкой уж по зелени ползёт.
Такая тишь, что мог бы в слухе отразиться
И зов с Литвы. Но нет, – никто не позовёт!

1854 г.

Вакханка

Под тенью сладостной полуденного сада,
В широколиственном венке из винограда
И влаги вакховой томительной полна,
Чтоб дух перевести, замедлилась она.
Закинув голову, с улыбкой опьянения,
Прохладного она искала дуновенья,
Как будто волосы уж начинали жечь
Горячим золотом ей розы пышных плеч.
Одежда жаркая всё ниже опускалась,
И молодая грудь всё больше обнажалась,
А страстные глаза, слезой упоены,
Вращались медленно, желания полны.

1843 г.

Горячий ключ

Помнишь тот горячий ключ,
Как он чист был и бегуч,
Как дрожал в нём солнца луч
И качался,

Как пестрел соседний бор,
Как белели выси гор,
Как тепло в нём звёздный хор
Повторялся.

Обмелел он и остыл,
Словно в землю уходил,
Оставляя следом ил
Бледно-красный.
Долго-долго я алкал,
Жилу жаркую меж скал
С тайной ревностью искал,
Но напрасной.

Вдруг в горах промчался гром,
Потряслась земля кругом,
Я бежал, покинув дом,
Мне грозящий, –
Оглянулся – чудный вид:
Старый ключ прошиб гранит
И над бездною висит,
Весь кипящий!

1870 г.

Горная идиллия

На горе стоит избушка,
Где живёт старик седой;
Там сосна шумит ветвями,
Светит месяц золотой.

Посреди избушки кресло;
Все в резьбе его края.
Кто на них сидит, тот счастлив,
И счастливек этот – я.

На скамье сидит малютка,
Подпершись под локоток.
Глазки – звёзды голубые,
Ротик – розовый цветок.

И малютка эти звёзды
Кротко на меня взвела
И лилейный пальчик хитро
К розе рта приподняла.

Нет, никто нас не увидит,
Мать так пристально прядёт,
И отец под звуки цитры
Песнь старинную поёт.

И малютка шепчет тихо,
Тихо, звуки затая;
Много тайн немаловажных
От неё разведал я.

«Но как тётушка скончалась,
И ходить нельзя уж нам
На стрелковый праздник в Гослар;
Хорошо бывает там.

Здесь, напротив, так пустынны
Гор холодных вышины,
И зимой мы совершенно
Будто в снег погребены.

Я же робкая такая,
Как ребёнку, страшно мне;
Знаю, ночью злые духи
Бродят в нашей стороне».

Вдруг малютка приумолкла,
Как бы слов страшась своих,
И ручонками прикрыла
Звёзды глазок голубых.

Пуще ветер шумит сосною,
Прялка воеет и ревёт,
И под звонкий голос цитры
Песнь старинная поёт:

«Не страшись, моя малютка,
Покушений власти злой;
День и ночь, моя малютка,
Серафимы над тобой!»

1847 г.

Где север – я знаю!..

Где север – я знаю!
Отрадному предан недугу,
Весь день обращаю
И очи, и помыслы к югу.

В дали ли просторной
Твоё забелеет жилище –
Как в области горной,
Я сердцем и разумом чище.

Услышу ли слово
Твоей недоверчивой речи, –
И сердце готово
Стремиться до будущей встречи.

1849 г.

Границы человечества

Когда стародавний
Святой отец
Рукой спокойной
Из туч гремящих
Молнии сеет
В алчную землю, –
Край его ризы
Нижний целую
С трепетом детским
В верной груди.

Ибо с богами
Меряться смертный
Да не дерзнёт.
Если подымется он и коснётся
Теменем звёзд,
Негде тогда опереться
Шатким подошвам,
И им играют
Тучи и ветры;

Если ж стоит он
Костью дебелой
На крепкозданной,
Прочной земле,
То не сравняться
Даже и с дубом
Или с лозою
Ростом ему.
Чем отличаются
Боги от смертных?
Тем, что от первых
Волны исходят,
Вечный поток:
Волна нас подьёмлет,
Волна поглощает,
И тонем мы.

Жизнь нашу объёмлет
Кольцо небольшое,
И ряд поколений
Связует надёжно
Их собственной жизни
Цепь без конца.

1877 г.

Грозные тени ночей...

Грозные тени ночей,
Ужасы волн и смерчей, –
Кто на покойной земле,
Даже при полном желаньи,
Вас понимать в состояньи?
Тот лишь один вас поймёт,
Кто под дыханием бурь
В неизмеримом плывёт
От берегов расстояньи.

1859 г.

Если вдруг, без видимых причин...

Если вдруг, без видимых причин,
Затоскую, загрущу один,

Если плоть и кости у меня
Станут ныть и чахнуть без кручин,

Не давай мне горьких пить лекарств:
Не терплю я этих чертовщин.

Принеси ты чашу мне вина,
С нею лютню, флейту, тамбурин.

Если это не поможет мне,
Принеси мне сладких уст рубин.

Если ж я и тут не исцелюсь,
Говори, что умер Шемзеддин.

1859 г.

Завтра – я не различаю...

Завтра – я не различаю;
Жизнь – запутанность и сложность!
Но сегодня, умоляю,
Не шепчи про осторожность!

Где владеть собой, коль глазки
Влагой светятся туманной,
В час, когда уводят ласки
В этот круг благоуханный?

Размышлять не время, видно,
Как в ушах и в сердце шумно;
Рассуждать сегодня – стыдно,
А безумствовать – разумно!

25 января 1891 г.

Когда от хмелю преступлений...

Когда от хмелю преступлений
Толпа развратная буйна
И рад влачить в грязи злой гений
Мужей великих имена, –

Мои сгибаются колени,
И голова преклонена;
Зову властительные тени
И их читаю письмамена.

В тени таинственного храма
Учусь сквозь волны фимиама
Словам наставников внимать
И, забывая гул народный,
Вверяясь думе благородной,
Могучим вздохом их дышать.

1866 г.

Когда мечты мои за гранью прошлых дней...

Когда мечты мои за гранью прошлых дней
Найдут тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, как первый иудей
На рубеже земли обетованной.

Не жаль мне детских игр, не жаль мне тихих снов,
Тобой так сладостно и больно возмущённых,
В те дни, как постигал я первую любовь
По бунту чувств неугомонных,

По сжатию руки, по отблеску очей,
Сопровождаемый то вздохами, то смехом,
По ропоту простых, незначащих речей,
Лишь там звучащих страсти эхом.

1844 г.

Когда кичливый ум, измученный борьбою...

Когда кичливый ум, измученный борьбою
С наукой вечною, забывшись, тихо спит,
И сердце бедное одно с самим собою,
Когда извне его ничто не тяготит,

Когда безумное, но чувствами всеильно,
Оно проведает свой собственный позор,
Бестрепетностию проникнется могильной
И глухо изречёт свой страшный приговор:

Страдать весь век, страдать бесцельно, безвозмездно,
Стараться пустоту наполнить – и взирать,
Как с каждой новою попыткой глубже бездна,
Опять безумствовать, стремиться и страдать, –

О, как мне хочется склонить тогда колени,
Как сына блудного влечёт опять к отцу! –
Я верю вновь во всё, – и с шёпотом моления
Слеза горячая струится по лицу.

Какая грусть! Конец аллеи...

Какая грусть! Конец аллеи
Опять с утра исчез в пыли,
Опять серебряные змеи
Через сугробы поползли.

На небе ни клочка лазури,
В степи всё гладко, всё бело,
Один лишь ворон против бури
Крылами машет тяжело.

И на душе не рассветает,
В ней тот же холод, что кругом,
Лениво дума засыпает
Над умирающим трудом.

А всё надежда в сердце тлеет,
Что, может быть, хоть невзначай,
Опять душа помолодеет,
Опять родной увидит край,

Где бури пролетают мимо,
Где дума страстная чиста, —
И посвящённым только зримо
Цветёт весна и красота.

1862 г.

Когда у райских врат изгнанник...

Когда у райских врат изгнанник
Стоял унижен, наг и нем,
Предстал с мечом небес посланник
И путь закрыл ему в Эдем.

Но, падших душ услыша стоны,
Творец мольбе скитальца внял:
Крылатых стражей легионы
Адама внукам он послал.

Когда мы бьёмся из-за хлеба,
В кровавом поте чуть дыша,
Чтоб хоть одна с родного неба
Нам улыбнулася душа,

Но и в кругах духов небесных
Земные стоны сочтены,
И силой крыльев бестелесных
Еговы дети не равны.

Твой ангел – перьев лебединых
Не распускает за спиной:
Он на крылах летит орлиных,
Поникнув грустно головой.

В руке пророческая лира,
В другой – горящий божий гром;
Так на твоём в пустыне мира
Он камне станет гробовом.

1856 г.

Комета

«Дедушка, это звезда не такая,
Знаю свою я звезду:
Всех-то добрее моя золотая,
Я её тотчас найду!

Эта – гляди-ка, вон там, за рекою –
С огненным длинным пером,
Пишет она, что ни ночь, над землёю,
Страшным пугает судом.

Как засветилась в небе пожаром,
Только и слышно с тех пор:
Будут у нас – появилась не даром –
Голод, война или мор».

«Полно, голубчик, напрасная смута;
Жили мы, будешь ты жить,
Будешь звезду, как и мы же, свою-то,
Видеть и вечно любить.

Этой недолго вон так красоваться,
Ей не сродниться ни с кем:
Будут покуда глядеть и бояться –
И позабудут совсем».

1874–1886 гг.

Легенда

Вдоль по берегу полями
Едет сын княжой;
Сорок отроков верхами
Следуют толпой.
Странен лик его суровый,
Всё кругом молчит,
И подкова лишь с подковой
Часто говорит.

«Разгуляйся в поле», – сыну
Говорил старик.
Знать, сыновнюю кручину
Старый взор проник.
С золотыми стремянами
Княжий аргамак;
Шемаханскими шелками
Вышит весь чепрак.

Но, печален в поле чистом,
Князь себе не рад
И не кличет громким свистом
Кречетов назад.
Он давно душою жаркой
В перегаре сил
Всю неволю жизни яркой
Втайне отлюбил.

Полюбить успев вериги
Молодой тоски,
Переписывает книги,
Пишет кондаки.
И не раз, в минуты битвы
С жизнью молодой,
В увлечении молитвы
Находил покой.

Едет он в раздумье шагом
На лихом коне;
Вдруг пещеру за оврагом
Видит в стороне:
Там душевной жажде пищу
Старец находил,
И к пустынному жилищу
Князь повернул.

Годы страсти, годы спора
Пронеслися вдруг,
И пустынного простора
Он почуял дух.
Слез с коня, оборотился
К отрокам спиной,
Снял кафтан, перекрестился –
И махнул рукой.

1843 г.

Лихорадка

«Няня, что-то всё не сладко!
Дай-ка сахар мне да ром.
Всё как будто лихорадка,
Точно холоден наш дом».

«Ах, родимый, бог с тобою:
Подойти нельзя к печам!
При себе всегда закрою,
Топим жарко – знаешь сам».

«Ты бы шторку опустила...
Дай-ка книгу... Не хочу...
Ты намедни говорила,
Лихорадка... я шучу...»

«Что за шутки спозаранок!
Уж поверь моим словам:
Сёстры, девять лихоманок,
Часто ходят по ночам.

Вишь, нелёгкая их носит
Сонных в губы целовать!
Всякой болести напросит,
И пойдёт тебя трепать».

«Верю, няня!.. Нет ли шубы?
Хоть всего не помню сна,
Целовала крепко в губы –
Лихорадка ли она?»

1847 г.

Людские так грубы слова...

Людские так грубы слова,
Их даже нашёптывать стыдно!
На цвет, проглянувший едва,
Смотреть при тебе мне завидно.

Вот роза раскрыла уста, –
В них дышит моленье немое,
Чтоб ты пребывала чиста,
Как сердце её молодое.

Вот, нежа дыхание и взор,
От счастья роза увяла
И свой благовонный убор
К твоим же ногам разроняла.

1889 г.

Люди нисколько ни в чём предо мною не виновны, я знаю...

Люди нисколько ни в чём предо мною не виновны, я знаю,
Только я тут для себя утешенья большого не вижу.
День их торопит всечасно своею тяжёлой заботой,
Ночь, как добрая мать, принимает в объятья на отдых.
Что им за дело, что кто-то, весь день протомившись бездельем,
Ночью с нелепым раздумьем пробьётся на ложе бессонном?
Пламя дрожит на светильне – и около мысли любимой
Зыблются робкие думы, и все переходят оттенки
Радужных красок. Трепещет душа, и трепещет рассудок.
Сердце – Икар неразумный – из мрака, как бабочка к свету,
К мысли заветной стремится. Вот, вот опалённые крылья,
Круг описавши во мраке, несутся в неверном полёте
Пытку свою обновлять добровольную. Я же не знаю,
Что добровольным зовётся и что неизбежным на свете...

1854 г.

Моего тот безумства желал, кто смежал...

Моего тот безумства желал, кто смежал
Этой розы завои, и блёстки, и росы;
Моего тот безумства желал, кто свивал
Эти тяжким узлом набежавшие косы.

Злая старость хотя бы всю радость взяла,
А душа моя так же пред самым закатом
Прилетела б со стоном сюда, как пчела,
Охмелеть, упиваясь таким ароматом.

И, сознание счастья на сердце храня,
Стану буйства я жизни живым отголоском.
Этот мёд благовонный – он мой, для меня,
Пусть другим он останется топким
лишь воском!

25 апреля 1887 г.

Майская ночь

Отсталых туч над нами пролетает
Последняя толпа.
Прозрачный их отрезок мягко тает
У лунного серпа.

Царит весны таинственная сила
С звездами на челе.
Ты, нежная! Ты счастье мне сулила
На суетной земле.

А счастье где? Не здесь, в среде убогой,
А вон оно – как дым.
За ним! за ним! воздушною дорогой –
И в вечность улетим!

1870 г.

Кричат перепела, трещат коростели...

Кричат перепела, трещат коростели,
Ночные бабочки взлетели,
И поздних соловьёв над речкою вдали
Звучат порывистые трели.

В напевах вечера тревожною душой
Ищу бывшего наслажденья –
Увы, как прежде, в грудь живительной струей
Они не вносят откровенья!

Но тем мучительней, как близкая беда,
Меня томит вопрос лукавый:
Ужели подошли к устам моим года
С такою горькою отравой?

Иль век смолкающий в наследство передал
Свои бесплодные мне муки,
И в одиночестве мне допивать фиал,
Из рук переходивший в руки?

Проходят юноши с улыбкой предо мной,
И слышу я их шёпот внятный:
Чего он ищет здесь средь жизни молодой
С своей тоскою непонятной?

Спешите, юноши, и верить, и любить,
Вкушать и труд и наслажденье.
Придёт моя пора – и скоро, может быть,
Моё наступит возрожденье.

Приснится мне опять весенний, светлый сон
На лоне божески едином,
И мира юного, покоен, примирён,
Я стану вечным гражданином.

1859 г.

На корабле

Летим! Туманною чертою
Земля от глаз моих бежит.
Под непривычною стопою
Вскипая белою грядою,
Стихия чуждая дрожит.

Дрожит и сердце, грудь заныла;
Напрасно моря даль светла,
Душа в тот круг уже вступила,
Когда невидимая сила
Её неволей унесла.

Ей будто чудится заране
Тот день, когда без корабля
Помчусь в воздушном океане
И будет исчезать в тумане
За мной родимая земля.

1856–1857 гг.

Напрасно, дивная, смешавшись с толпою...

Напрасно, дивная, смешавшись с толпою,
Вдоль шумной улицы уныло я пойду;
Судьба меня опять уж не сведёт с тобою,
И ярких глаз твоих нигде я не найду.

Ты раз явилась мне, как дивное виденье,
Среди бесчисленных, бесчувственных людей, –
Но быстры молодость, любовь, и наслажденье,
И слава, и мечты, а ты ещё быстрее.

Мне что-то новое сказали эти очи,
И новой истиной невольно грудь полна, –
Как будто на заре, подняв завесу ночи,
Я вижу образы пленительного сна.

Да, сладок был мой сон хоть на одно мгновенье! –
Зато, невольною тоскою отягчён,
Брожу один теперь и жду тебя, виденье,
И ясно предо мной летает светлый сон.

1850 г.

Не глумись над чёртом, смертный...

Не глумись над чёртом, смертный,
Краток жизни путь у нас,
И проклятие навеки –
Не пустой народный глас.

Расплатись с долгами, смертный,
Долог жизни путь у нас,
И занять тебе придётся,
Как ты дельвал не раз.

2 июня 1888 г.

Не тем, господь, могуч, непостижим...

Не тем, Господь, могуч, непостижим
Ты пред моим мятущимся сознанием,
Что в звёздный день твой светлый серафим
Громадный шар зажёт над мирозданием.

И мертвецу с пылающим лицом
Он повелел блюсти Твои законы,
Всё пробуждать живительным лучом,
Храня свой пыл столетий миллионы.

Нет, Ты могуч, и мне непостижим
Тем, что я сам, бессильный и мгновенный,
Ношу в груди, как оный серафим,
Огонь сильнее и ярче всей Вселенной.

Меж тем как я – добыча суеты,
Игралище её непостоянства, –
Во мне он вечен, вездесущ, как Ты,
Ни времени не знает, ни пространства.

1879 г.

Не говори, мой друг: «она меня забудет...»

Не говори, мой друг: «Она меня забудет,
Изменчив времени всемогущего полёт;
Измученной души напрасный жар пройдёт,
И образ роковой преследовать не будет
Очей задумчивых; свободней и смелей
Вздохнёт молодая грудь; замедленных речей
Польётся снова ток блистательный и сладкой;
Ланиты расцветут – и в зеркало украдкой
Невольно станет взор с вопросом забегать, –
Опять весна в груди – и счастье опять».
Мой милый, не лелей прекрасного обмана:
В душе мечтательной смертельна эта рана.
Видал ли ты в лесах под тению дубов
С винтовками в руках засевших шалунов,
Когда с холмов крутых, окрестность оглашая,
Несётся горячо согласных гончих стая,
И, праздным юношам дриад жестоких дань,
Уже из-за кустов выскакивает лань?
Вот-вот и выстрелы – и в переливах дыма
Ещё быстрее лань, как будто невредима,
Проклятьем вопреки и хохоту стрелков,
Уносится во мглу безбрежную лесов, –
Но ловчий опытный уж на позыв победный
К сомкнувшимся губам рожок подносит медный.

1854 г.

Не плачь, моя душа: ведь сердцу не легко...

Не плачь, моя душа: ведь сердцу не легко
Смотреть, как борешься ты с лютой тоскою!
Утешься, милая: хоть еду далеко,
Но скоро возвращусь неожиданною порою
И снова под руку пойду гулять с тобою.

В твои глаза с улыбкой погляжу,
Вкруг стана обовью трепещущие руки
И всё, и всё тебе подробно расскажу
Про дни веселия, про дни несносной муки,
Про злую грусть томительной разлуки,
Про сны, что снились мне от милой далеко.
Прощай – и, укрепясь смеющейся мечтою,
Не плачь, моя душа: ведь сердцу не легко
Смотреть, как борешься ты с лютой тоскою,
Склонясь на локоток печальной головою!

1840 г.

Не упрекай, что я смущаюсь...

Не упрекай, что я смущаюсь,
Что я минувшее принёс
И пред тобою содрогаюсь
Под дуновеньем прежних грёз.

Те грёзы – жизнь их осудила –
То прах давнишних алтарей;
Но их победным возмутила
Движеньем ты стопы своей.

Уже мерцает свет, готовый
Всё озарить, всему помочь,
И, согреваясь жизнью новой,
Росою счастья плачет ночь.

3 февраля 1891 г.

Нет, я не изменил. до старости глубокой...

Нет, я не изменил. До старости глубокой
Я тот же преданный, я раб твоей любви,
И старый яд цепей, отрадный и жестокой,
Ещё горит в моей крови.

Хоть память и твердит, что между нас могила,
Хоть каждый день бреду томительно к другой, –
Не в силах верить я, чтоб ты меня забыла,
Когда ты здесь, передо мной.

Мелькнёт ли красота иная на мгновенье,
Мне чудится, вот-вот, тебя я узнаю;
И нежности былой я слышу дуновение,
И, содрогаясь, я пою.

2 февраля 1887 г.

Недвижные очи, безумные очи...

Недвижные очи, безумные очи,
Зачем вы средь дня и в часы полуночи
Так жадно вперяетесь вдаль?
Ужели вы в том потонули минувшем,
Давно и мгновенно пред вами мелькнувшем,
Которого сердцу так жаль?
Не высмотреть вам, чего нет и что было,
Что сердце, тоскуя, в себе схоронило
На самое тёмное дно;
Не вам допросить у случайности жадной,
Куда она скрыла рукой беспощадной,
Что было так щедро дано!

1846 г.

Alter ego

Как лилея глядится в нагорный ручей,
Ты стояла над первою песней моей,
И была ли при этом победа, и чья, —
У ручья ль от цветка, у цветка ль от ручья?

Ты душою младенческой всё поняла,
Что мне высказать тайная сила дала,
И хоть жизнь без тебя суждено мне влачить,
Но мы вместе с тобой, нас нельзя разлучить.

Та трава, что вдали на могиле твоей,
Здесь на сердце, чем старе оно, тем свежей,
И я знаю, взглянувши на звёзды порой,
Что взирали на них мы, как боги, с тобой.

У любви есть слова, те слова не умрут.
Нас с тобой ожидает особенный суд;
Он сумеет нас сразу в толпе различить,
И мы вместе придём, нас нельзя разлучить!

Январь 1878 г.

Я был опять в саду твоём...

Я был опять в саду твоём,
И увела меня аллея
Туда, где мы весной вдвоём
Бродили, говорить не смея.

Как сердце робкое влекло
Излить надежду, страх и пени, —
А юный лист тогда назло
Нам посылал так мало тени.

Теперь и тень в саду темна
И трав сильнее благоуханье;
Зато какая тишина,
Какое томное молчанье!

Один зарёю соловей,
Таясь во мраке, робко свищет,
И под навесами ветвей
Напрасно взор кого-то ищет.

1857 г.

Ракета

Горел напрасно я душой,
Не озаряя ночи чёрной:
Я лишь вознёсся пред тобой
Стезёю шумной и проворной.

Лечу на смерть вослед мечте.
Знать, мой удел – лелеять грёзы
И там со вздохом в высоте
Рассыпать огненные слёзы.

24 января 1888 г.

Фонтан

Ночь и я, мы оба дышим,
Цветом липы воздух пьян,
И, безмолвные, мы слышим,
Что, струёй своей колышим,
Напевает нам фонтан.

– Я, и кровь, и мысль, и тело –
Мы послушные рабы:
До известного предела
Все возносимся мы смело
Под давлением судьбы.

Мысль несётся, сердце бьётся.,
Мгле мерцаньем не помочь;
К сердцу кровь опять вернётся,
В водоём мой луч прольётся,
И заря потушит ночь.

7 июня 1891 г.

Окна в решётках, и сумрачны лица...

Окна в решётках, и сумрачны лица,
Злоба глядит ненавистно на брата;
Я признаю твои стены, темница, –
Юности пир ликовал здесь когда-то.

Что ж там мелькнуло красою нетленной?
Ах, то цветок мой весенний, любимый!
Как уцелел ты, засохший, смиренный,
Тут, под ногами толпы нелюдистой?

Радость сияла, чиста безупречно,
В час, как тебя обронила невеста.
Нет, не покину тебя бессердечно,
Здесь, у меня на груди тебе место.

1882 г.

Превращения

Давно, в пору ребяческой твоей,
Ты червячком мне пёстреньким казалась,
И ласково, из-за одних сладостей,
Вокруг родной ты ветки увивалась.

И вот теперь ты, куколка моя,
Живой души движения скрываешь
И, красоту застенчиво тая,
Взглянуть на свет украдкой замышляешь.

Постой, постой, порвётся пелена,
На божий свет с улыбкою проглянешь,
И, весела и днём упоена,
Ты яркою нам бабочкой предстанешь.

1859 г.

Облаком волнистым...

Облаком волнистым
Пыль встаёт вдали;
Конный или пеший –
Не видать в пыли!

Вижу: кто-то скачет
На лихом коне.
Друг мой, друг далёкий,
Вспомни обо мне!

1843 г.

Растут, растут причудливые тени...

Растут, растут причудливые тени,
В одну сливаясь тень...
Уж позлатил последние ступени
Перебежавший день.

Что звало жить, что силы горячило –
Далёко за горой.
Как призрак дня, ты, бледное светило,
Восходишь над землёй.

И на тебя как на воспоминанье
Я обращаю взор...
Смолкает лес, бледней ручья сиянье,
Потухли выси гор;

Лишь ты одно скользишь стезёй лазурной;
Недвижно всё окрест...
Да сыплет ночь своей бездонной урной
К нам мириады звёзд.

1853 г.

У камина

Тускнеют угли. В полумраке
Прозрачный вьётся огонёк.
Так плещет на багряном маке
Крылом лазурным мотылёк.

Видений пёстрых вереница
Влечёт, усталый теша взгляд,
И неразгаданные лица
Из пепла серого глядят.

Встаёт ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль,
И лжёт душа, что ей не нужно
Всего, чего глубоко жаль.

1856 г.

С солнцем склоняясь за тёмную землю...

С солнцем склоняясь за тёмную землю,
Взором весь пройденный путь я объемлю:
Вижу, бесследно пустынная мгла
День погасила и ночь привела.

Страшным лишь что-то мерцает узором:
Горе минувшее тайным укором
В сбивчивом ходе несбыточных грёз
Там миллионы рассыпало слёз.

Стыдно и больно, что так непонятно
Светятся эти туманные пятна,
Словно неясно дошедшая весть...
Всё бы, ах, всё бы с собою унести!

22 августа 1887 г.

Одним толчком согнать ладью живую...

Одним толчком согнать ладью живую
С налаженных отливами песков,
Одной волной подняться в жизнь иную,
Учуять ветер с цветущих берегов,

Тоскливый сон прервать единым звуком,
Упитаться вдруг неведомым, родным,
Дать жизни вздох, дать сладость тайным мукам,
Чужое вмиг почувствовать своим,

Шепнуть о том, пред чем язык немеет,
Усилить бой бестрепетных сердец –
Вот чем певец лишь избранный владеет,
Вот в чём его и признак, и венец.

28 октября 1887 г.

Эй, шутка-молодость! Как новый, ранний снег...

Эй, шутка-молодость! Как новый, ранний снег
Всегда и чист и свеж! Царица тайных нег,
Луна зеркальная над древнею Москвою
Одну выводит ночь блестящей за другую.
Что, все ли улеглись, уснули? Не пора ль?..
На сердце жар любви, и трепет, и печаль!..
Бегу! Далёкие, как бы в вознагражденье,
Шлют звёзды в иное своё изображение.
В сиянии полночи безмолвен сон Кремля.
Под быстрою стопой промёрзлая земля
Звучит, и по крутой, хотя недавней, стуже
Доходит бой часов порывистой и туже.
Бегу! Нигде огня, – соседи легли,
И каждый звук шагов, раздавшийся вдали,
Иль тени на стене блестящей колыханье
Мне напрягает слух, прервав моё дыханье.

Год написания 1847 г.

Сядь у моря – жди погоды...

Сядь у моря – жди погоды.
Отчего ж не ждать?
Будто воды, наши годы
Станут прибывать.

Поразвеет пыл горячий,
Проминёт беда,
И под камень под лежащий
Потечёт вода.

И отступится кручина,
Что свекровь стара;
Накидает мне пучина
Всякого добра.
Будто воды, наши годы
Станут прибывать.
Сядь у моря, жди погоды.
Отчего ж не ждать?

1847 г.

Уж вечер надвинуться хочет...

Уж вечер надвинуться хочет,
Туман над волнами растёт,
Таинственно море рокошет
И что-то, белеясь, встаёт.

Из волн поднимается фея
И села со мной у зыбей.
Вздымаются груди, белея
Под лёгким покровом у ней.

Она обняла, охватила,
Больнее мне всё и больней.
«Меня ты не в меру сдавила,
Прекрасная фея морей!»

«Тебя я руками сжимаю,
Насильно в объятиях жму,
Тобой я согреться желаю
В вечернюю холодную мглу».

Луна всё взирает бледнее
С заоблачной выси своей.
«Твой взор всё мутней и влажнее,
Прекрасная фея морей!»

«Мой взор не влажнее нимало,
Он мутен, как будто в слезах, —
Когда я из волн выступала,
Осталась капля в глазах».

Вскричались чайки неожиданно,
Прибой всколыхался сильнее.
«Стучит твоё сердце так странно,
Прекрасная фея морей!»

«Стучит моё сердце так странно,
Так дико мятусь я душой,
Затем, что люблю несказанно
Тебя, милый облик людской».

1890 г.

Странная уверенность

Скорей, молись, затягивай кушак!
Нас ждёт ямщик и тройка удалая,
Коней ждёт корм, а ямщика кабак,
А нас опять дорога столбовая.

Да кой же чёрт? Хотя путь нам и далёк,
Не даром же прогоны в вечность канут!
Не может быть... Есть в мире уголок,
Где и про нас хоть мельком упомянут.

1842 г.

Целый мир от красоты...

Целый мир от красоты,
От велика и до мала,
И напрасно ищешь ты
Отыскать её начало.
Что такое день иль век
Перед тем, что бесконечно?
Хоть не вечен человек,
То, что вечно, – человечно.

1874–1886 гг.

Поэтическая галактика

Мария Агеева

Агеева Мария пишет стихи и прозу, автор книги «Тишка, я и наши друзья» (М., Перо, 2019). Родилась, выросла и живёт в Москве. По образованию – лингвист, переводчик, педагог. Автор и исполнитель песен и романсов, лауреат фестивалей и конкурсов авторской песни. Участница легендарной передачи Э. Н. Успенского «В нашу гавань заходили корабли».

Тишина

Свет погас. Зажгу свечу.
Станет сразу легче.
Посижу и помолчу,
Вслушиваясь в вечер.

Тихо. Блики на стене
Пляшут в такт мерцанью,
И рождается в тишине
Тёплое молчанье.

Не нарушит эту тишь
Шаг часов негромкий,
Слов не надо, помолчим,
Вечер будет долгим.

Вспомню многое о том,
Чего нет, но будет,
А свеча поёт огнём
О любви и людях,

О деревьях под окном,
Снеге и надежде,
И о том,
Кто ждёт тебя, так же, как и прежде.

Воздушный змей

Запусти для меня воздушного змея,
Дай за ниточку подержать.
За неё буду я привязана к небу,
Станет ветер со мною играть.

Улетать будет змей мой всё дальше и выше,
А потом рывком кончится нить.
И смеясь, я спрошу тебя: «Слышишь,
Удержать или отпустить?»

Гитара

В руки он берёт гитару, и гитара оживает:
То смеётся, то в раздумье еле слышно
напевает.
И дрожит струна, рождая
Чистый звук, и замирает,
Ей другая вторит в лад,
Льётся звуков водопад,
Искромётный и печальный,
Непрерывный и хрустальный.
Всё бы слушать и молчать,

Но гитара уж устала, отдохнёт – начнёт опять!

Сумерки

Знаешь, в комнате сейчас моей
Сумерки вечерние скрываются.
Ночь уже заснула у дверей,
Видит сны и тут же забывает их.

Может быть, и ты, мой друг, не спишь,
Снова смотришь в небо так печально...
Почему же ты опять молчишь?
Не грусти, всё в мире не случайно.

Вот сейчас с тобой я говорю –
В комнате становится светлее,
Может, я тебя чуть-чуть люблю?
Это так прекрасно, ты поверь мне!

Ты помнишь

Мне сегодня отчего-то показалось,
Что ты меня вспомнил, любя.
И я сама себе сказала:
Поверю, что, правда, ты помнишь меня.

Представила: вот ты стоишь у окна,
И думаешь, думаешь: «Как там она?»
Потом улыбнёшься, представив, что я
Вот так же, как ты, стою у окна,
И думаю, думаю: «Как же там он?»
Ты улыбнёшься, закроешь окно,
И скажешь себе: «Нет, не станет она,
Спустя столько лет, вспоминать про меня».

А я всё стою и стою у окна,
И думаю: «Правда, ты помнишь меня?»

Александр Андронов

Автор книг: «Старый дом», «Прощай, деревня», «Душа скучает по добру», «Печаль нам в радости дана», «Всё будет хорошо», «Заплутался в России поэт». Награждён Золотой Есенинской медалью, медалью И. А. Бунина. Заслуженный поэт Москвы. Член-корреспондент Академии поэзии. Член Союза писателей России, член Интернационального Союза писателей.

Долгожданная встреча

До мурашек, до слёз,

Обнимая всей сутью,
Будто в детстве, где жизнь
Вся любовью была,

Возвращения наркоз,
Счастье розовой жутью, –
Мы с тобою сплелись,
Как деревья, дотла.

Я тебя дождалась,
На устах твоё имя,
Верность доле своей
Я средь бед сберегла,

И земля поплыла
Куполами своими, –
Счастьем наших детей
Я тебе поклялась.

6 апреля 2020 г.

Маргарита

А кони вновь храпят, и вымокли хламиды,
И тьмой черна гроза, и молнией бела.
Забыты страхи все, сомненья и обиды,
Осталась лишь любовь, что смерть не отняла.

В разверзшейся ночи средь дьявольского бала,
Вселенский мир затмив сакральной наготой,
Рабыней ты была, ты королевой стала,
Среди нечистых сил сияюще-святой.

Пушай ещё болит распухшее колено,
Горящие глаза, разящие соски.
Пусть дьявол – есть любовь, в тебе она
нетленна,
Её не тронул прах у гробовой доски.

Наверно, даже зло имеет идеалы.
Накладно сто веков барахтаться в крови.
Стареет нынче зло, оно чуть-чуть устало,
Не тронув красоты величия любви.

Но был лишь путь туда, и не было оттуда.
И он почти седой, и козни сквозь века.
И вы ушли совсем, уже не будет чуда.
И пусть огнём горит последняя строка.

А нам не занимать сомнений и обмана,
К нам новый век пришёл в объятьях Сатаны.
И глядя со страниц великого романа,
Она живёт со мной в утайку от жены.

А может быть, она теперь мне только снится?
Ночами при луне я жду благую весть.
Когда чертей страшней холодная столица, –
На улицах котов по пальцам перечесать.

9 марта 2020 г.

Путник в ночи

Н. М. Рубцову

Он шёл сквозь лес в промёрзших башмаках.
Шёл поздней осенью в свою «Николу».
Хоть глаз коли, нигде ни огонька, –
Его звезда за тучею тяжёлой.

Он брёл на ощупь по родной земле,
Шёл сквозь пургу, себя преодоляя.
Среди ночи надеждой помогая,
Вела его вперёд звезда полей.

Он часто в жизни брёл на огонёк,
Брёл на авось, шарахаясь, сбиваясь,
Страдая, голодая, напиваясь,
О жизни вспоминая между строк.

И чередой – фразы и мечты,
Сумбурной жизни хрупкие фрагменты,
Прокуренных общаг аплодисменты,
И в изголовье скорбные цветы.

В мороз январский траурный венец –
Его строка о смерти зазвучала.
Нелепый и трагический конец –
У этой смерти женское начало.

Пусть не сложился образ в голове,
Средь сплетен, пересудов и сомнений.
Весь путь его настоян на молве:
Он гармонист, он пьяница, он гений.

Но если вдруг на сердце тяжело,

В щемящих строках утопаю снова.
И в горнице моей светлым-светло
От тихого немеркнувшего слова.

22 марта 2020 г.

За околицей

Такая даль, что звон в ушах,
Такой простор, что нет границы.
Лишь слышно: крыльями шуршат
Над миром птицы и зарницы.

Благословенье высотой,
И, будто в детстве, сердце бьётся.
Знакомой песнею простой
Петух далёкий отзовется.

И, воспаривши над собой,
Влекомый ветром восходящим.
И воздух, за крылом свистящий,
И неба купол голубой.

Блестит церквушка в стороне,
Где небо сходится с землёю,
Где лес зелёною струёю
Сбегают вниз к речной волне.

В кустах укрылись берега –
Речушка мелкая петляет,
Соломы свежие стога
Янтарным сполохом сияют.

На горке сосны и песок,
И детских сказок отголоски.
Пространство делит на полосы
Сквозь тучки луч наискосок.

Мысль прикоснуться к чистоте
Вновь гонит на поля родные,
Чтоб силы черпать в красоте
Исконных мест глуши России.

30 июля 2020 г.

Моя улица

На тихой Коктебельской улице,
Из inferнального «замкадия»,
Что возле кольцевой сутулится,
Живут не только лишь исчадия.

Аборигены разномастные,
Серпом иль молотом крещёные,
Коронавирусом заразные
Иль оным не отягощённые.

И уголовные традиции
Встречаются у населения,
Они – проблема для полиции.
И дамы – для увеселения.

Сюда бы Макса нам, Волошина,
Дуэль бы вспомнили, Ахматову!
Вся улица б переполо шилась
При виде демона лохматого.

Мы б повели его в «Хинкальную»,
Забавы ради, не из вредности.
Хоть место, где-то криминальное,
Всё ж наливают по потребности.

А в выходные мы, в подпитии,
С собакой по дворам слоняемся,
А, протрезвевши, по наитию,
К другому Максy приклоняемся...

8 июня 2020 г.

Мы – русские

Мы – русские люди! Земные просторы
На мысль всепрощения нас обрекли.
Мы шире, чем реки, мы выше, чем горы,
Мы те, кто становится солью земли.

Нелёгкая нам выпадала дорога –
Добро защитить, об ушедших скорбя.
Искали мы правду, искали мы Бога,
Но лишь не всегда находили себя.

Был Пушкин – наш гений, а Ленин – Мессия,
Подобных не будет в заглавных рядах,
Но высшую правду, что выше России,
Отняли у нас в девяностых годах.

Украли, как воры, украли с Россией,
И мы в простоте не сумели понять,
Кого мы пригрели, кого воскресили...
А значит, не надо на Бога пенять!

Пора покидать надоевшие клетки,
Чтоб на ноги ставить весь мир с головы,
Иль нас не поймут наши мудрые предки,
Что в гордом величии были правы.

22 мая 2020 г.

Антонина Белова

Белова Антонина Васильевна – поэт, профессиональный филолог-русист, кандидат филологических наук, доцент, член Союза писателей России.

Стихи начала писать в 12 лет, выпускное сочинение в школе было написано в стихах, первое стихотворение опубликовано в районной газете, когда юному автору было 17 лет.

Антонина Белова – олимпийский победитель (2010) и призёр (2009) Международного поэтического турнира в Дюссельдорфе. Автор восьми поэтических книг: «Путь поднебесный» (2004), «Полдень» (2009), «Свет любви», «Птица в инее» (2014), «Зовущая даль», «Преображение» (2018), «Время не виновник», «Земное и небесное» (2020).

Стихи Антонины Беловой, написанные в традициях русской поэзии классического образца, посвящены вечным человеческим ценностям – красоте природы и человеческой души, силе любви и дружбы.

Из цикла «осенние краски»

* * *

Липы вековые
в золоте кудрей
как сторожевые
у судьбы моей.
Осень тихо дышит
у виска её,
весь зигзагом вышит
путь мой – бытиё.
И куда ни кинешь, –
боли и долги,
где же этот финиш
жизненной пурги?
Расскажите, липки,
как деньки круты,
как держаться хлипкой
мне средь суеты,
как равняться стоит
на характер лип,
чтоб не выдал боли
ни скулѐж, ни всхлип.
Так стою под вечер,
липы солнце пьют,
падает на плечи
отсвет жѐлтых выюг...

* * *

И постигая в мире нищету
блаженства бытия и силы духа,
врагов своих слепую клевету
и настигающую слабость слуха,
я понимаю сердцем, как далѐк
от истины любой из нас, живущих, –
такой же, в общем, хрупкий мотылѐк –
несеющий и оттого нежнущий...
И всё-таки есть слава в каждом дне –
могучая божественная слава –

в молитвенной прозрачной глубине,
хоть дни, апостол говорит, лукавы.

* * *

Осина зарделась осеннею краской –
до неба костёр, шелестят языки.
Последней, щемящей, надломленной лаской
наполнено сердце и светлой тоски.
Какою дорогой пойти мне – не знаю,
каким переулком, чтоб встретить те дни;
догнать ли высокую белую стаю,
согреют ли душу бывшие огни?

* * *

Срывает ветер листья,
они летят, летят
то медленно, то быстро,
приковывая взгляд.

Они ещё живые
и золотом горят,
то светло-восковые,
то охрою пестрят.

Вот снова парашютик,
ещё один за ним...
Ах, ветер, как он шутит,
беспечный пилигрим!

Но есть ещё на кроне
у старой липы сень,
и, может быть, не тронет
её осенний день...

* * *

Рассвет всплывает медленной рекой,
знобит слегка, и плаваются минуты,
и надо жить достойно, а не круто,
и надо петь свободно и легко.

Ловлю тепло ноябрьских серых дней,
пленительный полёт последних листьев,
покой реки медлительной, небыстрой
среди живых предутренних огней.

И ясный вдруг душе предстанет путь –
он всё короче, всё неотвратимей –
одна любовь нас делает святыми,
её одну ничем не зачеркнуть.

* * *

Каштан как фиговое дерево
среди осеннего двора, –
опять осенняя пора,
чьё ненасытно пламя-чрево.

Ещё далёко нам до встречи...
Во сне осенних пепелищ
танцует плавно ветер лишь
и тихо шепчет сердцу речи...

Ещё далёко до разлуки,
ещё нам предстоит понять,
что только на себя пенять
должны в тисках сердечной муки...

Как это дерево живое
стоит без ропота и слёз
и без ответа на вопрос:
за что страдание такое...

* * *

Моя ли жизнь? – Моя.
Иду по Патриаршим,
по листьям, тихо павшим,
по жизни, где края
так ясны, так остры, –
о, прошлого утрата...
Какая ж будет плата
у поздней сей поры?

Ноябрьские пути

в былое недоступны,
не мы ли там преступны?
Как это превзойти?
Как оправдать себя?
Как оправдать другого –
ушедшего, живого?
Лишь веря и любя...

* * *

Осенняя ноябрьская простуда,
курлы летящей далеко судьбы,
как будто озарение и чудо
среди ежедневной суетной пальбы
тревог, забот, сумятиц и сомнений,
среди накала споров и страстей –
вдруг этот зов, как отзвук песнопений,
врачуется дух, уставший от сетей
земных и бранных, алчущих нас жадно,
и поднимает над оскалом дней,
чтоб ты, душа, вновь верила отрадно
небесной славе, следуя за ней.

* * *

Глухая осенняя ночь.
Стою у окна пред иконой,
молю Тебя, Боже, помочь
развеять сомнений препоны...

Сквозь зыбь ледяного стекла
лишь ветра шальные тирады
и ветка, что ночь рассекла, –
без листьев, их чуткой отрады...

Стою, леденею сама,
фонарь вырывает фрагменты
ночного пространства, зима
уж рядом, к чему сантименты?

Опять эти серость и мгла,
неясность пути, неизбежность
принять злую боль, что дошла
до сердца, как дикая нежность...

* * *

В прозрачных кронах октября
вечернее гуляет солнце.
Наверно, встретились не зря
уставших душ два взгляда-донца.
Куда идти? Кому сказать
о переполнившемся сердце?
И лишь безмолвные глаза
всё скажут лучше громких скерцо.
Последней нежности слова
всё ж сердце ждёт, назло прогнозам,
так прикасается едва
осенний луч к беспечным розам.
Нет, не уходят навсегда,
сгорая в страсти беспощадной,
как корабли и поезда –
наперекор разлуке жадной...

Михаил Бердугин

Бердугин Михаил Анатольевич – родился в 1968 г. в Воронеже, живёт в Мытищах. Участник ЛИТО им. Дмитрия Кедрина (г. Мытищи), Некоммерческого творческого объединения «Литературный Вектор». В литературно-музыкальном фестивале «Обнинская нота» (2017 г.) получил специальный приз молодёжного жюри в номинации «Авторская песня», в 2018 г. – диплом «За литературную деятельность». Печатается в областных газетах, в альманахах «Кедринцы» и «Полдень». Автор книги стихотворений «Среди Высоток и Ветров» (2019 г.).

Судьба поэта

Судьба поэта в том, что он поэт.
Стихом ли белым, рифмою корявой
Благословит весь белый свет.
Важна ли суть или сюжет?
Он не поэт – Господь, и он же Дьявол.

На тетрадь со стихами Есенина

Посвящается Галине Бениславской

На тетрадь со стихами Есенина
Слёзы льются из девичьих глаз,
И сугробами улицы вспенены.
На Ваганьковском тихо сейчас.

Непрерывно дымит папиросами,
Мысли по ветру: выдох и вдох.
Без ответа всё давит вопросами
Злополучный капкан суматох.

Душу строки чаруют и мучают,
Без любимого жизнь не мила.
Кровь пульсирует болью колючею,
И реальность ей стала мала.

Каждый слог, каждый знак препинания,
Ощутимы и запах, и звук.
Будто шепчет она заклинание,
Руки чертят магический круг.

Погружаясь в безумие страстное,
Попадая всё дальше в астрал,
Бьётся сердце от счастья – несчастное,
Содрогаясь от звука кимвал.

Над могилой поэта Есенина
Ахнул выстрел, и вновь – тишина.
Пулей девичье сердце прострелено...
– Здравствуй, милый! – шепнула она.

Любовь

Ком в горле, и к чертям запретный буй!
Открытых персей вид манящий,
О, грешница! Твой жаркий поцелуй,
Полёт любви безумной, настоящей,

Смятение, сумрак, свет, игра с судьбой,
Богиня или ведьма – всё едино!
Любовь, любовь, любовь, любовь, любовь!
Ты вечна! Потому непобедима.

Команданте Кастро

Посвящается Фиделю Кастро

Вчера светило солнце, было ясно,
Сегодня хмуро, даже снег идёт...
Ушёл из жизни Команданте Кастро.
Осиротел Свободы острова народ.

Пройдут минуты, дни, недели,
Затем декады, месяца, года,
Все будут долго помнить о Фиделе,
Кто знал, и кто не видел никогда...

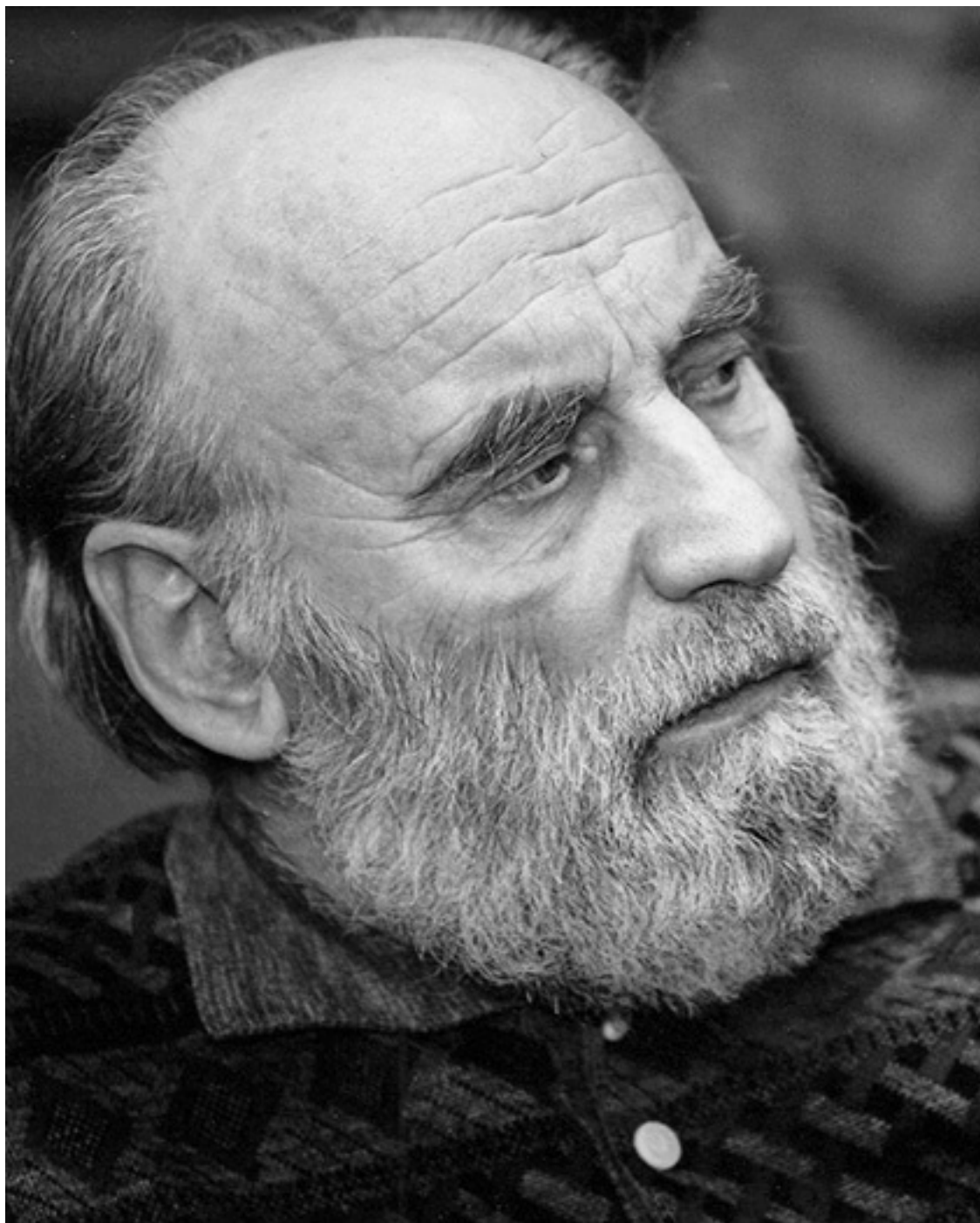
Убийцы, воры, кто достоин казни,
Кого погнал поганой метлой,
В Майями, видимо, устроят праздник,
Узнав про день кончины твой.

Кому герой, кому диктатор –
Не угодишь. Тут каждому своё.
Но то, что замечательный оратор, –
Нет сил молчать, когда душа поёт!

Из знания рождаются идеи,
Борьба за них счастливее всего!
Сложна дорога, могут быть потери,
Жизнь без идей не стоит ничего.

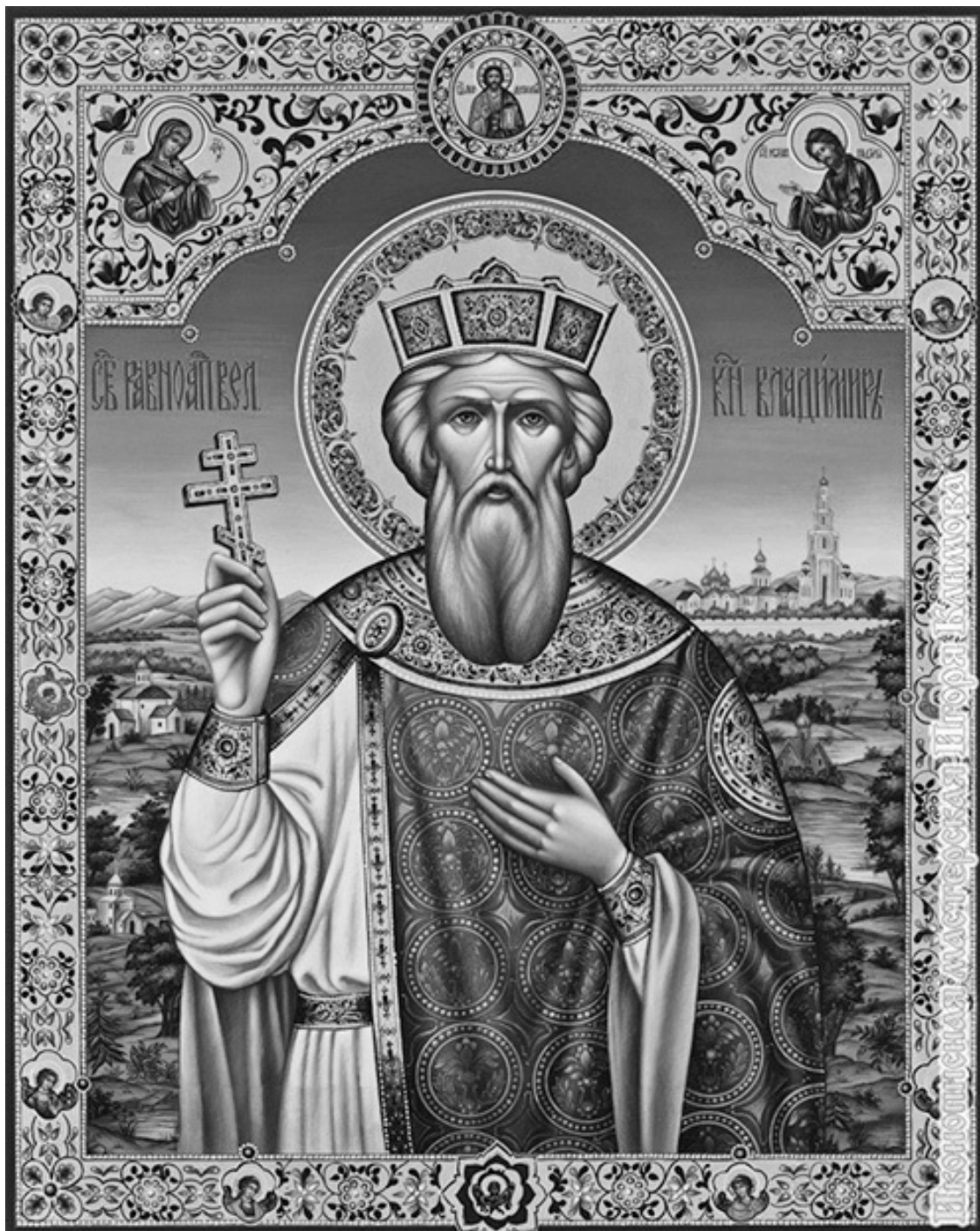
А революция – борьба между грядущим
И прошлым – вовсе не постель из роз!
Но этот путь осилит лишь идущий,
Кто революцию через себя пронёс.

Юрий богданов

Родился в 1944 г. в Горьком, окончил Минское музыкальное училище им. М. И. Глинки (1964 г.), Литературный институт им. А. М. Горького (1974 г.). Автор более двадцати книг стихотворений, в том числе «Галактика души» (сонеты), «Музыку небесную я слышу», трёхтомного собрания лирики («Солнцу хвала», «Всевышней любовью», «Лунное затмение»), «Капелью проклонуты чувства», «Поделись надеждой с врагом своим», а также поэм – «Ванька, встань-ка», «Пётр и Февронья», трагедий: «Джюльетта», «Морок», «Из-под плинтуса», «Последний круг» и других. Секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей России, академик Петровской академии наук и искусств.

Святой равноапостольный великий князь Владимир
(Около 960–1015 гг.)

1

Очи провидцев в юдоли земной
Ветром жестокой эпохи слезило:
Междоусобицы гнал чередой –
Русичам рвал он духовные жилы.

Князь Святослав, собираясь в поход
В землю болгарскую, вотчину роздал
Трём сыновьям, с верой: Русь не падёт,
Не устрашится ворожей угрозы.

Но Святослава неожиданная смерть
Княжичам юным войной обернулась:
К Ольгиным внукам в древлянах проснулась

Их вековая кровная месть, –
Травы плакучие, небо высокое
Заполонило кровавым потоком.

2

Заполонило кровавым потоком
Думы древлян о победной войне,
Не показался им замысел роком,
Но позабыли о давней вине –

Об убиении Игоря-князя...
И вокруг Олега сплотились они
Против Христа и язычества ради...
Да в этом были велико вольны!

И разгорелась стихийная страсть –
Заполучить беспредельную власть!
Много воды с той поры утечёт...

Владимир был третьим наследником только,
И малолетку не брали в расчёт
Старшие братья – Олег с Ярополком.

3

Старшие братья – Олег с Ярополком
Жили средь скопища злых языков:
Что создавалось родным отцом долго –
Гибло в стозвонье мечей и щитов.

Нашёл Ярополк после варварской сечи
В гряде раздавленных конницей тел
Олега... Кончины его не хотел:
С ним гибель брата оплакали свечи.

Казнился душою перед толпой...
Скорбь разогнали победные клики!
Как незаметно для князя проникли

Чёрные люди в его окруженье?
Кровные братья по их наущенью
Власть не смогли поделить меж собой.

4

Власть не смогли поделить меж собой
Сильные мира того, но Владимир
Знал, что в семействе был, словно изгой,
И не пришло время властвовать миром.

В страхе за жизнь и важнейший престол
Он отлучился с надёжным отрядом
В земли иные – к постылым варягам:
Ратную помощь внезапно обрёл

И на соперников двинул войска –
Миссия князя была велика...
(В этих погибельных столкновеньях

Я конской подковою – не разогнусь).
Пытались враги помешать единению –
Бился Владимир за сильную Русь.

5

Бился Владимир за сильную Русь:
Новгород взял и собрался на Киев...
Были пути примиренья другие,
Но не вошёл с братом в ложный союз.

К войску примкнули словене и чудь –
В Полоцке к браку принудил Рогнеду...
Кровью отмечен язычника путь –
Прочил христианам новые беды.

Упредил: «Володимир иде на тя,
Пристраивайся противу битися».
Князю младому потомки простят

За целость Державы – кровопролитья.
В толпах погасит худое брожение –

Тьму победит он в духовном сраженьи.

6

Тьму победит он в духовном сраженьи
В будущем времени, но не сейчас:
Чувствовал кожей страны зарождение –
Вот и приспел сей решительный час!

Киев стоял, но зверела измена
И Ярополку внушала: «Бежать!
Вряд ли поможет неверная рать:
Надо глаголити с братом смиренно –

Княже, в покаях бастарда не трусь!»
Разом при встрече пронзил жуткий страх
Под пазухи поднят он был на мечях...

После загаданной братовой смерти
Станет во Киеве единодержцем:
Сбросит с народа язычества груз.

7

Сбросит с народа язычества груз –
Взыщет он в жизни Единого Бога,
Душу очистит навек от порока,
Истиной смоем налипшую гнущ.

В тяжелой кольчуге ходил целый год,
В битвах он воинов храбростью радовал,
Объединял разноликий народ,
Пас свою землю разумом, правдою;

Но поклонялся идолам страстно
И за язычников ратовал рьяно –
Люд приносил он в жертву бесстрашно.

Позднее же к мертвенным истуканам
Созреет у князя предубеждение
И приведёт ко Святому Крещенью.

8

И приведёт ко Святому Крещенью
Он дерзновенно младую страну,
Да не отринет совсем старину,
Не отметёт чужеродные мненья.

Вольно пока бесовщина гуляет
По неокрепшей небесной Руси.
Но православный доподлинно знает:
Павшим за веру – грехи Бог простит.

Сгинули Фёдор с родным Иоанном,
За христианство отдали живот:
Судьбы полёгших – у нас в душах раной...

Людям казался с богами он равным.
Думы Владимира были о главном:
Общая вера – Державы оплот!

9

Общая вера – Державы оплот:
Предполагал, что под властью Перуна
Разноязычная чернь вмиг придёт
К объединению в княжестве юном.

Древние боги несхожих племён
Над однородцами силу имели,
И Володимира строгий закон
Втайне сородичи тихо презрели.

Он за дружиною, как за стеной:
В брани, в пирушке – витязи-други;
Неподневольные князевы слуги

Тщатся за идолом в радостный бой!
А христианство сродясь не приемлют, –
Слову Владимира русичи внемлют...

10

Слову Владимира русичи внемлют.
Но не уверен, что в корне он прав,
Тёмному люду уступку отдав
О древней вере... В решении медлит...

В пропасти бурных любовных утех

Он искони ублажался во страсти;
Младому рассудок язычество застит,
Что православному – бедственный грех...

Время бежало конём боевым
(В землю врагов я вгрызался подковой), –
Годы служивые были суровы,

Но никого не боялись мы с ним!
Погань коварную – одолели!
Русь собирает славянские земли.

11

Русь собирает славянские земли –
И воссияла мысль в сердце его:
Благопотребно проститься, немедля,
С мёртвым Перуном! Но кто же другой?

Русь полонить пыталась наскоком
Всякая вера! Но мудрость – в сравненьи.
Призрит на князя Божие око –
Отдал православию он предпочтенье.

Первым крестился, взял в жёны Анну –
Сестру императоров Византии...
Скачем мы в Киев зорькою ранней,

А истуканы стоят частоколом:
Брёвна не слышат Владимира слово...
Боже, не дай, чтобы нас погубили!

12

Боже, не дай, чтобы нас погубили
Не признающие веры Твоей...
И посему истуканов срубили
По указанию в несколько дней.

Князь объявил всем: Крещение будет
Во граде Киеве в водах Днепра,
Завтра на берег должны прийти люди,
А кто не захочет – «будет мне враг».

И совершилось Святое Крещение!
Владимир отбросил в вере сомненья:

Содеял духовный переворот.

Но древняя вера не знала затишья...
Господи, наши молитвы услыши
Да сохрани православный народ!

13

Да сохрани православный народ
За правую веру, Божий воитель, –
Духовности русичей ты прародитель;
А люд – Красным Солнышком наречёт.

Зарёй православия Русь воссияла,
И отошёл от нас идольский мрак,
Правда Владимира людям являлась
Солнцем Евангельским в тёмных мирах.

Стали в Державе Христа восславлять:
Строилось множество храмов во градах,
Се – Володимиру Божья награда!

Ни басурмане, ни прочая рать
В душах молитву Христа не убили –
С верой в Тебя наши пращуры жили.

14

С верой в Тебя наши пращуры жили,
В душах заветы святого храня,
С Богом Державу свою оградили
От жгущего души безверьем огня.

Господь, сотворивый землю и небо,
Призрит на новыя люди сия, –
Даждь веру им, как небесного хлеба,
Чтобы навек возлюбили Тебя!

Равноапостольный княже Владимир,
Бога моли о нас, наш небожитель,
Просим покорно тебя мы всем миром

За православие выдержать бой!
Верю в победу! О, дай мне, Спаситель,
Очи провидцев в юдоли земной.

15

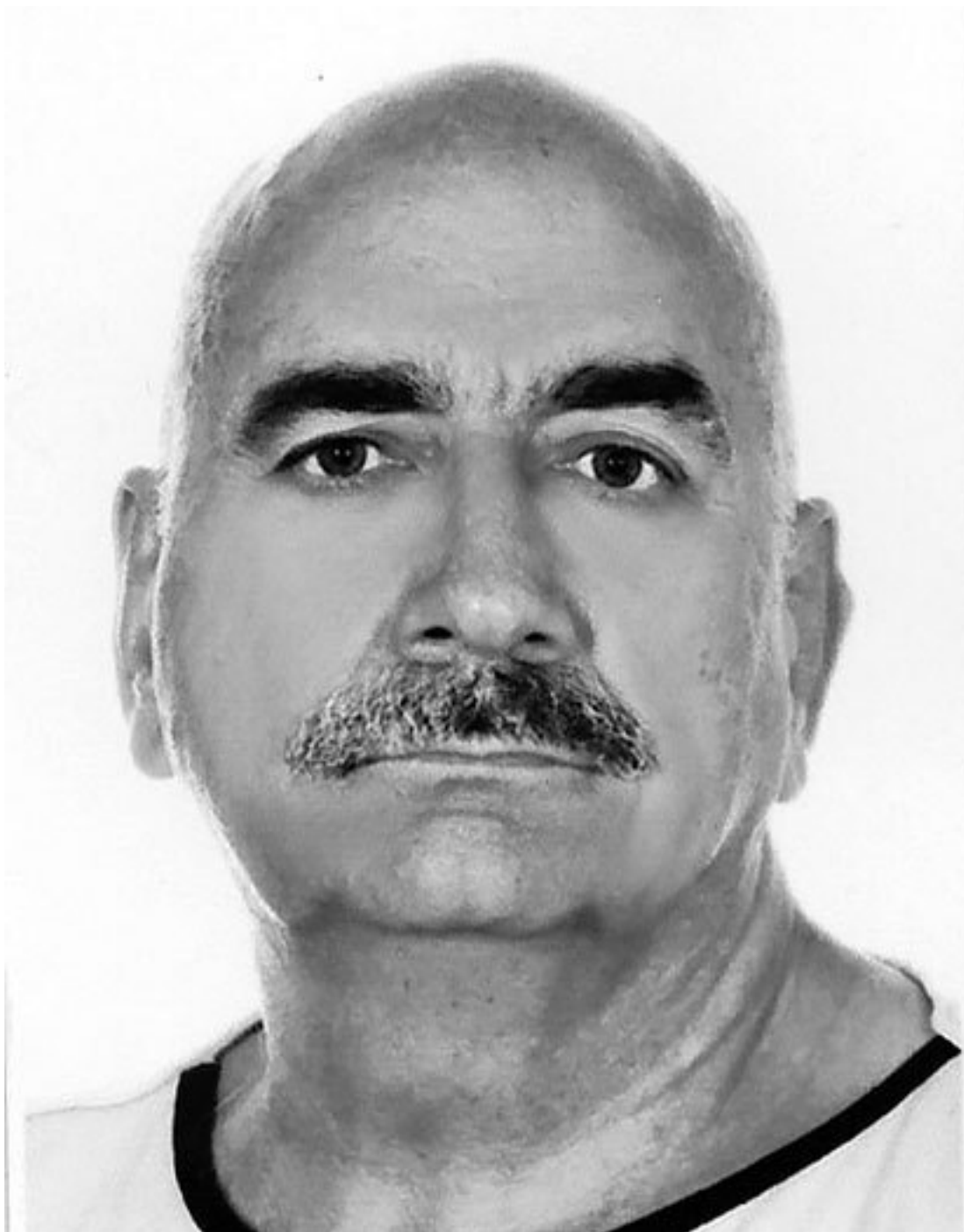
Очи провидцев в юдоли земной
Заполонило кровавым потоком:
Старшие братья – Олег с Ярополком
Власть не смогли поделить меж собой.

Бился Владимир за сильную Русь:
Тьму победит он в духовном сраженьи,
Сбросит с народа язычества груз
И приведёт ко Святому Крещенью.

Общая вера – Державы оплот!
Слову Владимира русичи внемлют, –
Русь собирает славянские земли!

Боже, не дай, чтобы нас погубили –
Да сохрани православный народ:
С верой в Тебя наши пращуры жили.

Игорь Бойко

Льёт, пьёт, шьёт дело, всё никак не кончит. Возможно, ждёт, что скажет третий кочет. Тот, как назло, в сомнении молчит. И то, когда всё тяготеет к притче, будь многолик, иль примитив двуличен – она первее око, нежели щит. И кочета смущает лисий дух – тут грех пренебрегать оглядкой птичьей – не кукарекнуть бы в прах и пух.

Листопады России

1. Лист жёлтый

О ангел мой, о ангел мой,
Спаси меня от нищеты,
От страха перед нищетой,
Не дай пустою быть сумой,
Последняя надежда ты,
Нет силы больше, ангел мой.

2. Вечнозелёный

В миру, будто в море, впадающем в транс,
Сплошном инвалиде безногом,
Верховный грех – дающего шанс –
Унизил тварь Богом.

3. Красно-чёрный

Превращённые дух и плоть наших предков,
Будто плоды, умыкаемы с веток
Родины. Жрущим сделайте рвоту!
Даёшь праздник чёрного солнцеворота!

4. Колесующий

Очищение желчью и смехом:
Всё как есть, и, себя переехав,
Колесо вознесётся венцом.
Чем казнён, то и свято потом.

5. Из почвы

Бред неба превращённого,
И луч, и гвоздь.
Наколото, и кровь запомнила настои.
Вселенная колючей проволоки звёзд.
Богатство горьких душ, распятие святое.

6. Держащий строй

Зрачку быть землёй, а радужке небом,
В сталь, незабудки, любовь отороченным.
Но поход не окончен... Невырванным стеблем
Братство покинув – но грянув о земли,
Воин пока не в лазурном урочище.

Наивом, как картой, и глум, и устои
Кроя в железном, утробном варивище,
Велит солдат хоронить его стоя –
Чтоб честь отдавать своим товарищам.

7. Возносящийся

Всем распятым в плечах, изголовьях
Стать – единым для плеч, изголовий –
Всех людей так стекаются крови
Сына Господа пролитой кровью.

Предчувствие. юность

И проступали меж строками тексты,
И на страницах чистых... и земных,
Небесных... и вдруг стало смыслом тесно
В вещах, что до поры вмещали их.

Всё в бусы нижезвонки, движенья –
Не рвётся нить, в сон продлевая рост, –
Как говоря: сначала было пенье
Китов,
Тритонов,
Птиц,
Растений,
Звёзд...
Сколь ни различны песни – всё их кроет
Одна:
Гул океана – неба – крови.
И танцы прежде, чем людей слова,
Случились прикосновением едва.

Растворена улыбка ожидания
Повсюду, будто влагою кристалл
(Не зря года – вода), там ожидал –

Всё ль дух любви? – то ж растворённый,
данный
(К губам ли пальчик, кверху – тронув дни –
Неслышно повторял: «Повремени»).

В простом глотке воды... во всём – да где бы
С чем ни застал себя (стол, хлеб, стена,
Глубь речки, холм...),
Протаивали дебри,
Спиралинка мерцания видна.

Порой его так много – затмевал он
Всё, всё кругом, как вспышка в небесах,
А то, как ночь – в закатных буквах алых
Внутри пережигаящая в прах.
(Вдруг, истощась, кропил водою мёртвой,
Как в нотах отпевания обёрткой.)
Вновь дрожь дождя – дрожь тела твоего,
Или – её... Чтоб пить с лица того.
Так всё вокруг, забыв во прах одеться,
По слову создано единому с сердцем.

«Как бабочки, порхали наши губы...»

Как бабочки, порхали наши губы
По разряжённому пространству комнат.
Когда и как – уже никто не вспомнит –
Пространство загустело так сугубо,
Что бабочки вдруг обратились в рыбок,
Отяжелев и даже каменя,
Сближения боясь... волны... но ею
Все подвижны, накрыты нимбом, глыбой,
Помедля чуть на грани либо – либо,
Слились, едва соприкоснулись, ибо
Две капли – меж собою – и с её.
И остальному разрешили всё.

«Развёрнутые половины сердечные...»

*Если развернуть половины сердца –
Посерёдке получится лира.*

Из давнего

Развёрнутые половины сердечные.

Лира –
Пространство меж ними... раздвинутое
без предела,
Обвито исчадьем. И женские кольца всемирны
Венчают, как эхо всего, что жило и хотело.

Движенье ростка даже в почве и в ночи не слепо.
Раздвоенной веткой ужалены разум и тело,
Той веткою – лирой, что, грянув о землю, о небо,
То молнией станет вся, то обнимкой ухвата
С тобою в котле, только звуком и вспышкой
зачатым.

Дикарь

И созвездье распалось, которому днесь
Ты молился, дикарь, видя присно и оно.
Но в груди, голове – всё звезда... только весть,
Что сжигает всё тем, но иначе (как есть
Бога звёздного части... вот только что здесь
Вдруг распались... и жжения не перенести),
Луч донёс
Лет спустя
Световых миллионы.
В безвоздушном пространстве то жженье давно,
Ископаемое для Вселенной оно.

«Я приду к тебе спустя так долго...»

Я приду к тебе спустя так долго,
Что уже... во сне, простом безбожно,
Утекающей далёкой Волгой,
У крутого бережка подножье.

Ты войдёшь нагая в эти струи,
Все излучи, все местечки тела
Обойдёт вода, как поцелуи,
Ты же втайне этого хотела.

Улыбнёшься ты во сне украдкой
Мысли, будто эти воды, талой:
Или самой первою кроваткой
Убаюканье волны предстало.

Поутру, как в зеркало, нацелясь

В сон да и всполошенные стаи
(Вспоминая, что за драгоценность:
Лялька – в дом... река ночей простая?..),
Ты подумаешь: «Пойти бы в церковь,
Только вот за что свечу поставить?»

Излучина

Жили-были Клыковы,
Константин да Клавдия.
Огород, печка,
Спаленка, конечно.

Вспоминали Клыковы,
Константин да Клавдия:
Соловьи, встречи,
Поцелуй, конечно.

Заплетались лыками
Имена-колечки,
Дерева, срубы,
Голоса, губы.

Счастье – горе мыкая...
Тело – дождик – речка?...
Зеркала – сосуды,
Доля беспробудных.

И легли Клыковы,
Клад ли ты, клад ли я?
Камушки над речкой,
Верю – колечком.

«Взгляд отдёргивая, как... руку ли...»

Взгляд отдёргивая, как... руку ли,
Уличённую в святотатстве,
От лица, что, возможно, порукою
Приглашения чуда на царство...

В суетного стайках и замети,
Всё сетям оставляя их ловли,
Вплотив свою лучшую заповедь,
Сам Творец удалил её в слове.

Отгорожено, чисто створами,
Исповедано ль нерукотворное?
Для суждения и недотрога...
Лицо, глядя в которое,
Хочется верить в Бога.

Михаил Бондарев

Бондарев Михаил Иванович родился в 1964 г. в Калуге. В 2000-м году окончил Литинститут (семинар Н. К. Старшинова, В. А. Кострова). Участник фестиваля поэзии и бардовской песни «Оскольская лира». Лауреат Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы имени А. Н. Толстого. Дипломант фестиваля искусств патриотического воспитания «За нас, за вас и за спецназ». Лауреат первого международного литературного фестиваля «Славянские традиции – 2009». Автор трёх поэтических книг: «Царство снеговиков», «Дай руку ветру», «Переулками Третьего Рима». Публиковался во многих региональных и центральных периодических изданиях. Член Союза писателей России.

Вырвусь на русский простор

Из социальных сетей
Вырвусь на русский простор –
Зимушки встретить гостей
Из-за серебряных гор.

Из виртуальных оков,
Из электронных трясин
Вырвусь я в царство снегов.
Здравствуй, мороз-господин!

Светлых я жду перемен.
Снег, поддержи меня, друг!
Сдамся на время я в плен
Светлых метелей и вьюг.

Голос Евразии

На Казанскую мать занедужила
И слегла до Михайлова дня.
А потом засвистело, завьюжило,
И накинута хворь на меня.

И пошла по земле катавасия:
Дождь со снегом, пурга, гололёд.
Я прислушался – это Евразия
Свою зимнюю сказку поёт.

Зазвонит, засвистит по-разбойничьи –
И со страху собьёшься с пути.
А потом вдруг вздохнёт по невольничьи
Так, что муторно станет идти.

То подхватит, затянет раздольную
И взбодрит казаков и крестьян,
А потом перейдёт на застольную,
Чтобы всякий был весел и пьян.

А со мною случилась оказия:
Стихотворный отложен полёт,
Но меня поддержала Евразия.
Ты послушай, как лихо поёт!

Вода родной реки

Я продолжаю древности строку
И подбираю рифмы втихомолку.
Москва-река вливается в Оку,
Ока тысячи лет впадает в Волгу.

Не буду я, как разъярённый вепрь,
С норманном-русофобом долго спорить.
Я знаю, что Десна впадает в Днепр,
А Днепр в Русское впадает море.

Не так чисты уже и глубоки
Петляют по земле славянства реки,
Но всё равно вода родной реки
Всегда сродни бальзаму из аптеки.

Дождь и снег

Сероликим ноябрьским днём
Сыпал снег и сошёлся с дождём
На речном на высоком откосе.
Видел снег: дождь оплакивал осень.

В жизни все мы желаем чудес –
Обнялись два посланца небес.
Я им с детства с волнением внемлю,
Небо славящим, любящим землю.

Пели грустно и дождик, и снег,
Что похожий на них – человек.
Он живёт по природе, погоде
И как дождик со снегом... проходит.

Снова сереньким мартовским днём
Снег сошёлся с весёлым дождём.
Снег оплакивал вьюги, метели,
Дождик пел о любви и апреле.

Так и мы, люди, с вами живём:
Где-то снегом, а где-то дождём.
Насладившись коротким разбегом,
Мы уходим – дождём или снегом.

Где ты, вторая половинка?

Пусть за снежинкою снежинка
Меня целуют. Я не рад.
Где ты, вторая половинка?
В какой попала снегопад?

В какие вьюги и бураны?
В какую хитрую пургу?
На сердце от разлуки – раны.
Душа замёрзла на снегу.

Я знаю, что ты рядом где-то,
Идёшь по городу одна.
Ты для ранимого поэта –
Любовь и муза, и весна.

Пускай опять завьюжит вечер
И звёзд не видно высоту,
Прошу тебя: иди навстречу,
Мне без тебя не вмоготу!

Живу как птица – днём одним

Небесным ангелом храним,
Живу как птица – днём одним.
Ловлю я радости крупницы,
Как и мои собратья-птицы.

Ткал в небо клювом я птенцом –
Был поднят матерью, отцом.
Ворвался я в большую стаю
И от мечты к мечте летаю.

Мечта бывает высока,
Крыла несут за облака.
И серебром пленяют звёзды,
Но ближе мне родные гнёзда.

Согретый солнечным огнём,
Живу как птица – одним днём.
Не испугать меня рутиной,
Зовут вершина за вершиной.

Не страшен снег, не страшен лёд,

Кто смотрит в небо, тот поймёт.
И рвётся сердце из болота
В экстрим свободного полёта.

Король алмазный

К богатству путь бывает разный.
Тягаться некому со мной.
Да, я король, король алмазный,
Владелец россыпи ночной.

Нет никого богаче в мире,
Хотя богатство – не хитро:
То солнца золото в квартире,
То звёзд с луною серебро.

Пусть я король чудаковатый,
Но не нажил себе врага.
Мои надёжные солдаты –
И дождь, и ветер, и снега.

Когда вскипаю я от гнева,
И намечается война,
Меня смиряет королева –
Моя красавица Луна.

Для всех, кто вырвался из детства,
От бытовых устал проблем,
Моё открыто королевство:
Входите! Места хватит всем.

Мальчик и звёзды

Маленький мальчик,
Глядя в ночное звёздное небо,
Промолвил: «Там что-то есть»,
Но звёзды промолчали в ответ.
Мальчик вырос, стал мужчиной,
Мечтая, глядя в звёздное небо,
Промолвил: «Там наверняка есть разум»,
Но звёзды снова промолчали в ответ.
Мужчина стал стариком и, умирая,
Глядя в звёздное небо, промолвил:
«Это глаза моих предков».
«Мы видим, что ты уходишь от нас», –

Шепнули ему звёзды в ответ.

«Обую валенки. Надену телогрейку...»

Обую валенки. Надену телогрейку.
Ушаночку надвину на глаза.
Пойду встречать я зиму-чародейку,
Её художества, сюрпризы, чудеса.

Салют, зима! Я ждал тебя всё лето
И в золотую осень тосковал.
Зима, ты просто сказка для поэта.
Люблю я твой серебряный металл.

А черти, ведьмы? Хрен они дождутся,
Что я отброшу лыжи и коньки.
Спасут зимы серебряные блюда,
Серебряные рати у реки.

Встречай, зима! Прими в свои объятия
И не пугайся валенок моих.
Хочу с тобой на родине гулять я.
Пусть летит метелью новый стих.

Три сизаря

В ночи метался ветер, как разбойник,
Рвала седины выюга во дворе,
А днём лазурным вдруг на подоконник
Три сизаря присели в серебре.

Стучали по железке коготками
И пристально глядели сквозь стекло.
Я шевельнул январскими мозгами:
Случайно голубей, что ль, принесло?

Кормушки нет, крупы и крошек хлеба,
Но сизари расселись за окном.
В мозгу скользнуло: души предков небо
Пустило навестить родимый дом.

И сизари воркуют, как три брата:
Родных два дядьки и отец родной
В глаза мне смотрят грустно, виновато,
Они хотят обмолвиться со мной.

В мозгу кольнуло: не миную дату,
И оборвётся жизнь, как снежный ком.
В один из дней в знакомую мне хату
Я постучусь замёрзшим голубком.

«Отрывая лист календаря...»

Отрывая лист календаря,
Я уверен, что живу не зря.

Оторвал я лист календаря.
Что-то сделал. Значит, жил не зря.

«Всё пройдёт – и пандемия...»

Всё пройдёт – и пандемия,
Ведь не вечная она.
Выстоит моя Россия,
К нам опять придёт весна!

Юрий Бондаренко

Бондаренко Юрий Максимович родился в Москве 27 марта 1948 г. Выпускник Московского института нефтехимической и газовой промышленности им. Губкина И. М. В 1971–1991 гг. работал в аппарате Министерства нефтяной промышленности СССР. Избирался секретарём Московского горкома Нефтегазстройпрофсоюза, заместителем начальника Управления делами министерства.

В 1991–1998 гг. был одним из учредителей Московской нефтяной и Московской товарной бирж. В 1998–2004 гг. являлся управляющим делами Минтопэнерго РФ, Минэнерго РФ. Затем работал секретарём Нефтегазстройпрофсоюза РФ. Указом Президента РФ присвоено звание «Заслуженный работник нефтяной и газовой промышленности» (1999 г.), имеет

звания «Отличник нефтяной промышленности» (1988 г.), «Почётный нефтяник» (1998 г.), «Почётный работник ТЭК» (2007 г.). Награждён в 2017 г. медалью Минэнерго России «За заслуги в развитии ТЭК» I степени.

Автор многих стихов, эссе, рассказов и текстов более 110 песен. Член Союза писателей России с 2007 г. Изданы 7 книг стихов и прозы. За цикл стихов «Из военного блокнота» в 2008 г. удостоен медали имени К. Симонова. В июле 2017 г. присвоено звание «Почётный поэт Москвы». В августе 2017 г. избран Действительным членом Международной академии русской словесности. В 2018 г. награждён Золотой Есенинской медалью «За верность традициям русской культуры и литературы». В 2019 г. решением Президиума Международной академии русской словесности удостоен звания «Заслуженный писатель России».

Дебют

Мы все вступаем в жизнь когда-то
И делаем свой первый шаг,
Порой спеша и угловато,
И попадаем с ним впросак.

Дебют! Он очень много значит.
Ведь так и сложится судьба,
Как путь к мечте тобою начат
И вера в Бога ль не слаба.

Есть право на одну ошибку.
Семь раз отмерь и не спеши.
Мы все идем дорогой зыбкой
По карте собственной души.

Дебют! Лиха беда начало!
И смелость города берёт!
Чтоб жизнь с удачей обвенчала,
Начни движение вперёд!

Кончилось бабье лето

Вот и кончилось бабье лето.
Взгляд потух. И слетела листва.
Только астры пестрят в букетах,
Сединою блестит голова...

Пожелтела трава газонов,
И набухли свинцом облака...
Реже трель звучит телефона,
И безвольно упала рука...

В лужах тонут блеклые листья,

Под зонтами спешит молодёжь,
Прикрывая ухмылку лисью:
Время вышло, ты наше не трожь.

Скоро в город придут метели,
На рябины вспорхнут снегири...
Но придёт снова звон капели,
И засветишься вновь изнутри!

Ищите веру!

В раю, наверно, тоже карантин,
И ангелы на землю не летают.
Им не до свадеб и не до крестин.
Лишь виртуально души отпевают.

Мы сами предоставлены себе.
Что уповать на телеволонтеров?
Уж коль написано кому-то на судьбе,
То и случится поздно или скоро.

К кому взывать? Кого молить: прости?
Кто вслед тебе под маской усмехнётся?
Кто в рай дорогу благостью мостил?
В чьём сердце делом вера отзовётся?

Беда пройдёт, оставив жуткий след.
Но станет ли уроком пережившим?
В отечестве своём пророков нет.
Поверьте до рассвета не дожившим.

Ищите веру! Не спешите в храм.
Бог должен в вашем сердце поселиться.
И пусть не отвлекает мишура,
Когда созреет жажда помолиться.

Река

Я плыву по реке. Впереди водопад.
Ночь безлунна. Лишь бисером звёзды.
Что греби не греби, не вернуться назад.
Рокот ближе. Сворачивать поздно...

А исток у реки был как в сказке красив.
Берегов не хватало кисельных.

И трава высока, хоть полжизни коси.
Неба синь глубока акварельно...

Родники наполняли собой створ реки.
Русло ширилось и матерело.
И дубы над рекой разрослись высоки.
И в лугах от цветов запестрело.

А потом перекаты пошли по реке
И вода за кормой закипела.
Подчинялось кормило лишь твёрдой руке.
И душа звонким голосом пела.

В январе, наконец, лёд сковал водород,
Превращая поток в санный зимник...
А весною река вновь помчалась вперёд.
И ей время совсем не противник...

Пролетев водопад, побежит к устью вниз.
Что ей в щепки разбитая лодка?
У истока ждут старта сражаться за приз
Нарождённые впрок первоходки.

В этом мире звезда служит призом для всех.
Вот ещё одна ярко сверкнула...
В небе чёрном я вижу товарищей тех,
Кого участь сия не минула.

Я достиг водопада! Не каждый поплыл.
Правда, кто-то увидел и устье.
Бесшабашным всегда в этой жизни я слыл.
И в звезду превращаюсь без грусти...

Русская драка

Мы заведомо лезем к врагу на рожон,
Будто Бог обещал нам бессмертье.
Или жизней в запасе стоит эшелон
На ближайшие тысячелетия.

По-пацански, как в юности, бьём на размах,
Не боясь на кулак напороться,
Про кастет забывая в не наших руках
И про жизнь, что не стоит червонца.

До конца будем биться, хватило бы сил.
Зуб навывлет и кровь на землице.

Без разбитой губы этот свет нам не мил.
Ну а шрамы – затем, чтоб гордиться!

Бретонец

Кафе «Элефант». И маэстро играет
До боли знакомый мотив.
Из памяти словно волной выплывает
Тот вечер, закат и прилив.

В лучах уходящего под воду солнца
Так страстно блестели глаза.
«Ты любишь меня?» – я спросила бретонца,
Он с грустной улыбкой сказал:

«Люблю, дорогая! Люблю до рассвета!
Как дольше любовь удержать?
Не требуй сегодня другого ответа.
Его не смогу тебе дать».

И мчится жизнь

Парадные расчёты пятилеток,
Как раньше годы, маршируют предо мной.
И мчится жизнь этапом эстафеты
Вперёд с усердием и скоростью двойной.

Поставил ёлку. На восьмое марта
Успел купить букет мимозы для жены.
В глазах уже листвы опавшей бархат.
И вновь снега подарком лягут от зимы.

А раньше месяц полз, как черепаха.
Особенно в жару, когда предотпускной.
Теперь срезает день за днём навахой
Рукою резвой жизнь – безжалостный портной.

В часах песочных крапца мигом меньше,
И только ночь ещё тревогами долга.
Я не спешу к особе «августейшей»:
Пускай следит с косой из-за угла.

Из написанного в 2020 г.

Владимир Бояринов

Известный русский поэт, автор многих книг, хранит верность высокой традиции русской классической поэзии. Живёт и работает в Москве.

Аленький цветок

Я срубил крестовый дом,
Говорят: «Грешно».
Дописал печальный том,

Говорят: «Смешно».

Ловок на руку и спор
Завидуший бес.
Запылал в саду костёр
До небес.

О любви заветный том
Запылал в огне.
Запылал крестовый дом
Со цветком в окне.

Если завтра я умру –
Погорюй чуток.
Я на небо заберу
Аленький цветок.

Буду нежить, чтобы рос,
Буду поливать.
Всех, кто дорог мне до слёз,
Буду вспоминать.

Парнас

Мне помнится –
В десятом классе
Я оказался на Парнасе,
Где верховодил Аполлон
И виршеплётов брал в полон.
Мне гид сказал:
«Расклад таков –
Золотоносных рудников
Здесь не осталось и в помине...
Но старый Бахус жив поныне».

Григорий Мелехов

Как лозняк чихвостил Гришка
Беляков и коммуняк.
«Сабли наголо – и крышка!» –
Приговаривал казак.

А без куража и риска
Разве станешь казаком?
Вот вопрос: каким бы Гришка

Оказался стариком?

Он, хлебнув с избытком лиха,
Снова бы не задурил?
Он сидел бы тихо-тихо
И махорочку курил?

Стал похожим бы на зайца
С переливом в седину?

Чтоб таким не оказаться,
Он и сгинул на Дону.

1 сентября 2014 г.

На волю просится душа

Я сгрёб стихи свои в беремь,
Развёл костёр и сжёл дотла.
Во мне остановилось время,
Мне очи застелила мгла.

Во мне остановилось время
И потеряло стройный счёт –
Не бьёт лучом колючим в темя,
Самозабвенно не течёт.

Я сплю и слышу – рвутся корни
И, упокоиться спеша,
Всё яростней, всё непокорней
На волю просится душа.

Душа, восставшая из пепла,
Строку слагает за строкой,
Пока Россия не ослепла,
Пока не спет «За упокой».

«Душа, даруя озаренье,
Не оставляй меня!» – молю...
Во мне остановилось время,
Отныне равное нолю.

29 июля 2019 г., Кранево

«Дрогнул враг и рассыпался по полю...»

Дрогнул враг и рассыпался по полю.

Только свист, только кони протопали!
Правда наша за нами была!
Но последняя вражья стрела
Не в ковыльную землю упала...
Обожгло, затуманило вдруг.
Было солнце, и солнца не стало,
И поводья упали из рук.
Конь понёс сквозь просторы и время.
Но к земле повлекло седока –
И нога зацепилась за стремя,
Заскользила по травам рука...
Не нашли его братья родные
От заветных пределов вдали –
Это кудри его золотые
След кровавый навек замели.

На краю

Если на окошко сядет голубь –
Расскажу ему и покажу:
Я в работу ухожу, как в прорубь,
С головой в работу ухожу.

В ледяную прорубь с головою
Ухожу я с проблеском зари,
Чудной круговертью мировой
Зачарован, что ни говори.

Всплеск и блеск! И в это же мгновенье
Озаренье бьёт из-под льда,
Бьёт снопом слепящим озаренье
И кипит крещенская вода!

Проворкует на прощанье голубь,
Будто у Вселенной на краю
Есть большая-пребольшая прорубь...
У Вселенной будто бы... в раю...

«Посидели – покурили...»

Посидели – покурили,
Выпили и повторили.

Он молчит, и я молчу.
– Может, песню?

– Не хочу.

Я люблю таких спокойных:
Ни тебе речей окольных,

И ни жалобы, ни вздоха,
И когда красиво пьёт.

Но тревожно мне и плохо,
Что он песен не поёт...

Потоп

В виду большого потепления
Внушительные подтопления
Грядут. Трёх лет достанет, чтоб
Случился форменный потоп.

А мы с женой
Отнюдь не ноем.
Она твердит:
«Ты станешь Ноем!»

Реликт

Среди других реликтов
Литературных чаш
Владимир Бенедиктов
Томительно звучащ.

Он в гении не рвался –
Гори оно огнём!
Жуковский отзывался
Восторженно о нём.

Тургенев до рассвета
Стихи его читал.
Белинский за поэта,
Напротив, не считал.

Остался Бенедиктов
К чужим оценкам глух,
И хор чужих вердиктов
Его не трогал слух.

Не гоже в драку рваться
И в петушиный бой,
Затем, чтобы остаться
Навек самим собой.

Страда

Все мужики – в упругой силе,
И все досужи покосить.
Покрасовались, покосили,
Пора бы и перекусить.

Мы чёрный хлеб вкушаем с луком,
Мы лук обмакиваем в соль,
И в том, что царствуем над лугом,
Не сомневаемся нисколько.

Мы и сказать бы не сказали,
Мы и помыслить далеки:
Какими жуткими глазами
Глядятся в небо васильки.

Они и скошенные дышат
И голубым огнём горят,
Они и видят всё, и слышат,
И ничего не говорят...

Солдатский сон

В сонное облако тихо ступаю,
Шапкой туманы мету.
Клятва нарушена. Я засыпаю
На полуночном посту.

Вижу – цыганка на картах гадает,
Вижу – на Страшном суде
Мать безутешная горько рыдает,
Волосы рвёт на себе.

Жадно душа моя жизни взалкала! –
Ставьте других на вину –
Кровь размозжённого в схватке шакала
Пью в басурманском плену.

Снова ведут меня шумным кагалом

На человеческий базар.
Полосонули по горлу кинжалом,
Возликовали: «Ак бар!»

Господи правый, яви своё чудо,
Раны омой и утри,
И на бессрочную службу отсюда
Душу мою заberi!

Соло

Олегу и Елене Бородиным

Моё классическое рвение
И поэтическое пение,
На счастье или на беду,
Между собою не в ладу.

С годами я пою всё глуше.
Жена, не затыкая уши,
Смиренно слушает меня,
Ни в чём солиста не виня.

Однако всякое бывает.
Как только ссора назревает –
Уединяясь, я пою,
Чтоб наказать жену свою.

Но и супруга не зевает –
Присаживаясь, подпевает...

Сон в летнюю ночь

Ещё и волк не завывал,
Ещё и сыч в ночи не ухал,
Но я свой час не прозевал,
Я уловил сторожким слухом
И плач на озере, и плеск
Я видел при луне воочью:
Среди подружек горше всех
Ты убивалась этой ночью...

А на рассвете соловьи
Прогнали сон пустой и вздорный...
Но пахнут волосы твои

Знобющей свежестью озёрной!

Срочные дела

О чём бы натура моя не радела,
Но спешка и суетность мне не к лицу.
Я думал, что делаю срочное дело,
А год сумасшедший подходит к концу.

Пора бы оставить привычки порочные,
Стряхнуть беззаботно тревоги с чела,
Закинуть подальше дела свои срочные,
За наиважнейшие взяться дела.

Отречься в момент от ярма атаманского,
Свой неприкасаемый вынуть запас –
Откупорить с громом бутылку шампанского
И выпить, чтоб брызнули искры из глаз!

Счастье

Солдат подбил три танка кряду
В бою за город Ленинград.
Десятидневную в награду –
Побывку получил солдат.

Героя вёз товарный поезд,
Потом полуторка везла
И пел страдания санный полоз
До вологодского села.

И видит он: избу стогами
Укрыли белые снега.
Он разметал их сапогами,
В окошко постучал слегка.

Жена услышала, привстала,
Дивясь: как по ночам светло!
И подошла, и задышала
В заиндевелое стекло.

Прожгла дыханием и взором
Кружок величиной с яйцо.
И вдруг за сказочным узором
Протаяло его лицо!

Она блаженно улыбнулась,
Перекрестясь, исторгла стон
И от окошка отвернулась:
Какой счастливый снится сон!

Солдат в окно смотрел сквозь слёзы.
По грудь укутанный в снега
Смотрел, боясь разрушить грёзы
Промёрзшим скрипом сапога.

Солдат смотрел, а счастье длилось,
И в зачарованном краю
Оцепенело, заблудилось,
Спаслось в ночи и поселилось
В избе родимой, как в раю.

Улыбка

Сердце зашлось, суматошно забилось,
Захолонуло вконец,
Взмыло над пропастью, остановилось...
В полночь приснился отец.

Будто и не было вовсе погоста,
Не поминали навзрыд –
В полночь приснился: кедрового роста,
Златом загара покрыт.

Я подхожу, он как будто не видит –
Обережённый судьбой,
Батя кровинку свою не обидит,
Не уведёт за собой.

Он улыбается! Проблеск улыбки
Ищет на ощупь ответ –
И на прозрения, и на ошибки
Льётся лазоревый свет.

Может быть, может быть, светом оттуда
Мир изначально спасён?
Может быть, это и вовсе не чудо,
Может быть, вовсе не сон?

Аутодафе

Что понадобилось Вове
В 10 вечера во Львове?
В 10 вечера в кафе?
Это аутодафе!

Я сижу, смотрю на хрена
С книжкой стихов Верлена,
С книжкой стихов в руке
На родимом языке.

С книжкой стихов на русском!
В понимание нашем узком –
В 10 вечера в кафе –
Это аутодафе!

Это круче кокаина!
Ще не вмерла Украина!

Я позабыл

Я позабыл закадычных друзей,
Грешную лиру спровадил в музей.

Я разлюбил коньяки и вино,
Про самогонку и думать срамно.

Если я завтра тебя разлюблю –
Я свою жизнь до конца погублю!

Галина Весновой

Весновой Галина (Петроченко Галина). Автор поэтических книг «Во свете утреннем» и «Сны мои хрустальные». Стихи печатались в альманахах: «У Никитских ворот», «Академия поэзии», «Муза», «Долгие пруды», «Сияние лиры».

Член Лито «Клязьма» (г. Долгопрудный Московской обл.).

Лейтмотив творчества – возвышенная любовь, тяготение к красоте в любом её проявлении. Родилась в Белоруссии, живёт в г. Москве.

«Состою из впечатлений...»

Состою из впечатлений,
Неожиданных открытий,
Что взлетали и горели,
Исчезали без следа.
Сердце жаждет обновлений,
Удивительных событий,
И в приветливом апреле
Белый снег – одна вода.

Это гуси, возвращаясь
С надоевшего им юга,
Гоготали, пролетая,
И роняли белый пух.
Всё равно, не прекращаясь,
Восхитительная fuga,
Утончённость обретая,
Невзначай ласкает слух.

В каждом всплеске,
в каждом звуке
Голоса весны мятежной!
И Божественного слова
Несомненная печать.
Скучновато жить в разлуке,
Мой придирчивый и нежный,
Я тебя простить готова.
Выходи весну встречать!

«И ты уже вслед мне глядишь сквозь очки...»

И ты уже вслед мне глядишь сквозь очки,
Злодейка-насмешница!
И хочешь, чтоб я померла от тоски,
Да чтоб в пору вешнюю,
Печальная дама, не с розой в руке,
А с жёлтыми листьями,
Дырявая шляпа, да хлеб в узелке...
И взгляд не двусмысленный!
Прекрасная дама! А я не ждала
И не соизмерила!
Я в гости весну очень долго звала
И в вечное верила.
Стареть не спешу, и твоё колдовство –

Лишь пепел на голову.
Кормлю голубей. Ну и что из того?
Мне нравятся голуби!

«Мне хотелось прожить долгий век на земле...»

Мне хотелось прожить долгий век на земле,
С гордым взглядом идти – так, как ходят
царицы.
Чтобы был каравай из печи на столе
И с водою живой в чистом поле криница.

Чтобы ширь да простор! И чтоб аист кружил!
Шелестели листвой за рекою дубравы!
Тот, кто дорог и мил, чтоб и мной дорожил,
Чтобы тёплым был дом и шелковыми травы.

Чтоб расцвёл василёк! И чтоб ливень с грозой!!!
Чтоб почувствовать страх! И чтоб снова воскреснуть!
Чтобы вёрсты мои голубой бирюзой
Приукрашены были Царицей Небесной.

Там, где ветры шумят, на высоком краю
Воздух влажен и свеж, полыхают зарницы.
Я ещё на краю хоть чуть-чуть постою
И чуть-чуть погрузу, ожидая жар-птицу.

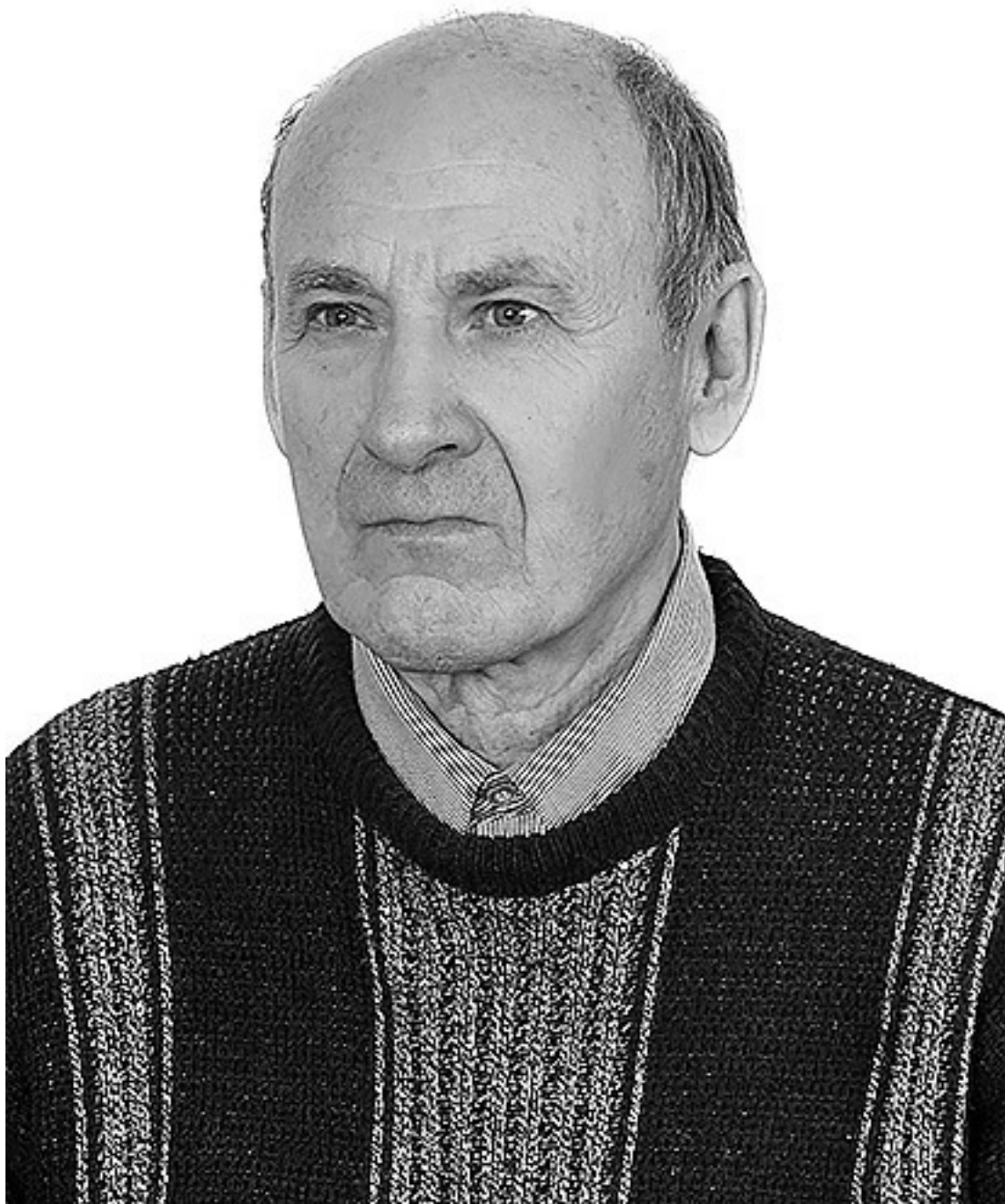
«фельки мои – две ладьи...»

Песенка

Туфельки мои – две ладьи
Доплывут до морюшка, будет толк.
И тогда вдоль бережка соловьи
Запоют на зорюшке: ветер смолк.
А иду я к милому, вопреки
Всем ветрам, бушующим за горой.
Берега неровные у реки,
Камешки вокруг да песок сырой.
Выйдет пава-павушка из воды,
Рукавом взмахнёт она – будет сад.
И наполнит запахом резеды
Белый свет, и миленький будет рад.
Локоны шелковые поутру
Отведёт мне бережно от плеча.
Закружится мельница на ветру,

Не погаснет в горнице вновь свеча.
Ноженьки разутые каблучки
Позабыли, кажется, но наряд
Солнышко румяное у реки
Нитью тонкой вышило мне не зря.

Александр Ветров

После окончания средней школы учился в пяти образовательных учреждениях. Последний вуз – Институт журналистики и литературного творчества. Член Союза писателей России, член Академии поэзии, автор пяти поэтических сборников.

Из разговора

– Привыкнуть можно ко всему.
И от всего отвыкнуть можно.

– Но это сделать очень сложно.
Легко, наверно, никому.

Молодым педагогам

Уча других, учитесь сами.
Вам сразу следует понять,
Что только так учителями
В высоком смысле можно стать.

Идиоту

Что ты в роскоши находишь?
Все богатства, помни, – ложь.
Голым в этот мир приходишь,
Без всего ты и уйдёшь.

«Ни я, ни ты, ни он – никто...»

Ни я, ни ты, ни он – никто,
Да что считать, мы все не рады,
Когда серьёзные награды
Дают – по сути – ни за что.

Приятелю

Чему не быть – того не будет?
Что быть должно – не избежать?
Не знаю: так? не так? Рассудит
Нас только время. Нам – не знать.

О желающем приблизиться...

Он сел у вешалки в углу.
Начальство вновь его взбесило.
Что так? Оно не пригласило
Его на празднике к столу.

«Известно, что, какой пастух...»

Известно, что, какой пастух,
Такое и, конечно, стадо.
Ответственный – селу награда,
Но горе, коль пасёт лопух.

О завистниках

Конечно же. не шутки ради
Могу я снова так сказать:
Плюются в спину те, кто сзади.
Их гнев и месть легко понять.

«Решив достичь высокой цели...»

Решив достичь высокой цели,
Чистюли бодро к ней пошли,
Но, чуть запачкавшись в пыли,
Продолжить путь свой расхотели.
Мол, нет условий, грязно тут,
Другие пусть в пыли идут.

«Духовность, скрепы – что ж, неплохо...»

Духовность, скрепы – что ж, неплохо.
Но деньги, золото – важней.
Не век и даже не эпоха
Не в силах изменить людей.
Прошу прощения, двуногих.
Всё ж надо чётко отличать
Людей нормальных от убогих,
Которым главное – урвать.

«Вести беседы по душам...»

Вести беседы по душам,
Конечно же, остерегайтесь,
Но и в себе не замыкайтесь:

Такая жизнь наскучит вам.
Поговорить – приятно всем,
При этом чем-то поделиться.
Тут главное – не торопиться.
Общаться надо. Только – с кем!

«Грузить другого негативом...»

Грузить другого негативом –
Потребность гадких, злых людей.
Делись почаще позитивом –
И ты найдёшь себе друзей.

Алексей Волков

Поэт и писатель, активно работает в жанре детской литературы. Автор популярной «взрослой» сказки «Необыкновенные приключения Просто Капельки» и азбуки «Шуришунчик, Щекотушка и весёлые зверушки», а также книги стихов «Бесконечно длинные мгновения» (серия «101 поэт XXI века») и сборника рассказов «Дверь» (серия «101 прозаик XXI века»).

Поезд

Мягкий снег ложится на ладонь,
На душе спокойно и прекрасно,
Догорает медленно огонь
Суеты нелепой и напрасной.

Лишнее уходит – в этом суть,
Мягкий снег растает на ладони.
Скорый поезд дальше держит путь,
Оставляя тени на перроне.

20 февраля 2020 г.

Дорога на дачу

Вдоль дороги утомлённой,
Лучшей на планете,
Я шагаю, преломлённый
В отражённом свете.

Миг назад ударил ливень
И хлестал наотмашь,
Но уж солнце дарит силы
С ветерком хорошим.

На дороге утомлённой,
Лучшей на планете,
Мальчик чертит оживлённо,
Белым мелом чертит.

24 июля 2020 г.

Летний дождь

В жизни каждого из нас приходит летний дождь.
Он случается, когда его совсем не ждёшь,
Ничего прекраснее на свете нет, поверь...
Чем зайти в прозрачную, дарованную Богом дверь.

И почувствовать, как захлестнёт тебя
Влага райская охотно и любя.
Ничего прекраснее на свет нет, чем дождь,
Летний дождь, совсем неожиданный дождь.

9 сентября 2020 г.

Дача

Заросший елями участок
Я вспоминаю очень часто,
Ведь там, скажу, на самом деле
Растут не яблони и ели!

Из-под земли, сквозь шишки, хвою
Там пробивается иное...
По чьей-то силе вдохновенья
Там зарождается мгновенье.

И пусть мгновенье быстротечно,
За ним всегда приходит вечность...

14 января 2020 г.

Голос

Всё, что было, всё, что будет, —
Бог простит и не осудит.
В Переделкино, как прежде,
Я несу свои надежды.

Здесь на улицах лучистых
На душе светло и чисто,
Здесь давно по воле свыше
Голос свой я часто слышу.

8 июля 2020 г.

Окна переделкино

В окнах Переделкино нынче нет писателей,
В окнах Переделкино изысканный комфорт,
Всё вокруг прилизано и очень привлекательно,
Только вот Поэзия здесь больше не живёт...

Верю, что по крошечке
Оживут окошечки,
С белою метелицей
Что-то переменится...

10 декабря 2020 г.

Игорь Гавриленко

Окончил Московский институт стали и сплавов и аспирантуру при МВТУ им. Н. Э. Баумана. Работал научным сотрудником и преподавал в МГТУ им. Н. Э. Баумана на кафедре теплофизики. Автор многочисленных научных публикаций. Стихи публикует в различных периодических изданиях и альманахах: «Академия поэзии», «Муза», «Полдень», «Кедринцы» и др. Член литературного объединения им. Д. Б. Кедрина (г. Мытищи). Автор книг стихов: «Разноцвет», «Тихо лодка плывёт», «Рисунок по памяти». Дипломант областного литературного конкурса им. Р. И. Рождественского за 2017 г. Лауреат премии им. Ю. П. Кузнецова.

Сфинкс

Один вопрос сверлит меня, тревожа:
«А кто есмь я?» – и, мысли теребя,
Я созерцаю мир и, жизнь итожа,
Стал Сфинксом, углубившимся в себя.

В себе копаюсь, мучаюсь... В смятение
Ищу ответ на каверзный вопрос.
Тревожный сон мой полон был видений,
Но ясности нисколько не принёс.

Сознание в пучину думы ввергли,
Распался мозг на тысячи частей:
На сгустки волн, пронзительных энергий,
Зеркала мира низменных страстей.

Что мир вокруг? Тончайший искуситель,
Обман, соблазн, расцвеченный витраж.
На сём пиру неприглашённый зритель,
Ищу я смысла призрачный мираж.

Мне голос был, и вот что я услышал:
«Есть фляга, корка хлеба да сума –
Простая жизнь, дарованная свыше...»
Всё остальное – домыслы ума.

11 июня 2014 г.

Тюльпаны Ирана

Средь чёрных скал безжизненных Ирана,
Где трудно отыскать клочок земли,
На длинных стеблях красные тюльпаны
В горах каким-то чудом расцвели.

Какая красота – алеют склоны
Угрюмых скал, печальных и пустых!
Гуляет ветер меж листов зелёных,
Метёт в ложбинах снежные пласты.

Тюльпаны лепестки сомкнули плотно,
Пытаясь в снежной буре устоять,
И хочется красу цветов холодных
Своим дыханьем в стужу согреть.

Когда же солнце в небе засияет,
Тюльпан лучи поймает в свой бокал,
И снова, восхищая, запыхают
Живые островки у древних скал.

От ветра колыхаясь, словно море,
Тончайший испуская аромат,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.